

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО
ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 226

В. А. МАТВЕЕВ

**«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС»:
СОВРЕМЕННЫЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕАЛИИ
ЭПОХИ**

Москва

2011

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

№ 226

В.А. Матвеев

«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС»:
СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕАЛИИ ЭПОХИ

Москва
ИЭА РАН
2011

ББК 63.3(2Рос-531)6-36+66.0
УДК 323.1(470.6)

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

М-33 Матвеев В.А.
«Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии
эпохи / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. —
М., ИЭА РАН, 2011. — Вып. 226. — 38 с.
ISBN 978-5-4211-0050-8

Исследование основывается в значительной мере на неопубликованных (архивных) источниках, ранее не вводившихся в научный оборот. Автор показывает, что переселение горцев в пределы Османской империи, наметившееся на завершающем этапе Кавказской войны, не являлось прямым следствием российской политики. Имперская администрация предпринимала усилия его остановить. Проблема мухаджирства, между тем, целенаправленно используется в настоящее время в связи с олимпиадой 2014 г. в г. Сочи..

© ИЭА РАН – 2011 г.
© В.А. Матвеев – 2011 г.

В.А. Матвеев

**«Черкесский вопрос»:
современные интерпретации и реалии
эпохи**

Resume

THE "CIRCASSIAN PROBLEM": MODERN INTERPRETATIONS AND HISTORICAL REALITY

The report is based on to a great extent on unpublished (archival) sources, earlier not introduce into scientific use. The author shows that migration of the Natives of Northern Caucasia into Ottoman Empire (mukhadzhirstvo) in the closing stage of Caucasian war was not by the direct effect of Russian politician. The imperial management took effort it to stop. The problem of mukhadzhirstvo purposefully are being used (aroused) at present time in connection with Olympics Games 2014 in Sochi.

Дискуссионные аспекты

Переселение горцев в пределы Османской империи, наметившееся на финальном этапе Кавказской войны преимущественно в северо-западных частях края, издавна рассматривается как одно из доказательств ее направленности на истребление покоряемых народов, ответственность за которое возлагается на правивший в стране до 1917 г. режим. В ходе революционного отрицания за ним закрепилось наименование «царизма». Однако в общественном сознании обвинение так или иначе проецировалось и на Россию в целом. Такой уклон поддерживался в различного рода публикациях, издававшихся в виде статей и отдельных брошюр, имевших в преобладающей степени пропагандистский характер.

Односторонний сбор сведений, дискредитировавших прошлое России, организовывался по указанию свыше Народным Комиссариатом по делам национальностей, и в условиях Гражданской войны играл не последнюю роль в борьбе за власть. Созданная на основе мифа о «тюрьме народов» политическая технология обрела постепенно немалый разрушительный потенциал, способствуя формированию настроенности масс, особенно на бывших окраинах империи. Впоследствии она стала проникать и в отечественную историческую науку, получив со временем непререкаемый статус «общепризнанной».

Отображение трагедии мухаджирства под таким углом зрения, в соответствии с происходившими переменами в идеологической сфере, впервые появилось в книге Г.А. Дзагурова, вышедшей в 1925 г. в серии «Материалы по истории горских народов»¹. Во все периоды советской эпохи при освещении этой проблемы оценки фактически не менялись. Между тем предпосылки для отхода от них с неизбежностью возникали по мере расширения фактологической базы и ввода в научный оборот сведений из не публиковавшихся ранее источников.

Примером может служить исследование Г.А. Дзидзария, обобщившего выявленные архивные материалы в фундаментальной монографии, которая вполне заслуженно удостоилась Государственной премии и выдержала несколько изданий (1975, 1982)². Но это начинание, опиравшееся на добротную фактологическую основу, не было лишено существовавшей тогда методологической заданности, и автор не решился на преодоление схем, ориентировавших обобщения на выводы, предполагавшие наличие «исторической вины русского царизма». В дальнейшем негативистские представления обрели еще большую устойчивость и превратились даже в своеобразную монополию на истину. С такой направленностью прошла, в частности, научно-практическая конференция по данной проблеме в 1990 г. в Нальчике³, послужившая, на наш взгляд, своего рода вехой в ее антироссийской интерпретации. Представленная на ней односторонняя версия вскоре получила поддержку в ряде отечественных изданий.

Как утверждают, например, авторы коллективного издания «Гибель Черкесии» (1994) – М.Я. Ачмиз, В.М. Аминова, М.А. Керашев и др., в России до 1917 г. «национальный гнет... был весьма ощутимой стороной вселенского... угнетения», что и предопределило в решающей мере стремление к столь массовому переселению⁴. И.Я. Куценко связывает его с обозначившейся в российской политике «в период завершения завоевания Кавказа... линией на геноцид горцев»⁵. Такую же характеристику мухаджирству дает и А.Х. Касумов, называя его «массовым изгнанием горцев... в пределы Османской империи»⁶. С.Г. Кудаева указывает на необходимость переосмысления «не только... причин... способствовавших переселению», но и сложившегося, по ее утверждению, в российской исторической науке стереотипа «сугубо негативной оценки роли Турции в судьбе адыгского этноса»⁷.

Специализировавшиеся непосредственно по этой теме Н.Я. Думанов и Т.Х. Кумыков⁸, несмотря на то, что их труды имеют обстоятельные архивные приложения, вступающие в прямое противоречие с изложенными выводами, также отстаивают представления, сформировавшиеся еще в 20-е гг. XX в.⁹ Это касается и тематических сборников с обширными подборками документов, многие из которых при внимательном прочтении дают возможность делать прямо противоположные заключения, не соответствующие вводным пояснениям с тенденциозным обозначением контуров восприятия произошедшей трагедии¹⁰.

Познание прошлого, как признано в профессиональной практике, должно сосредотачиваться не «на подборе фактов», выстраиваемых без учета проти-

воречащих противовесов в любом направлении, а «на их связи»¹¹, позволяющей включать в диапазон осмысления все составляющие явления или процесса. Только такой подход дает возможность избежать односторонности и достичь объективного освещения произошедшего, без каких-либо искажений сути того, что было на самом деле. Это всецело распространяется и на пережитые в истории трагедии. В современной отечественной науке в изучении явления мухаджирства сложилась и альтернативная направленность.

Она обозначилась еще в 90-е гг. XX в. в статье группы известных краснодарских ученых А.М. Авраменко, О.В. Матвеева, П.П. Матющенко и В.Н. Ратушняка «Россия и Кавказ в новейших исторических публикациях» (1995). В ней отвергается наличие геноцида горцев на завершающем этапе Кавказской войны, а также после ее окончания и излагается иное понимание обстоятельств, повлекших массовость переселений¹². Изложенные в статье положения вскоре получили подтверждение и в других исследованиях¹³.

З.Б. Кипкеева изучила особенности распространения мухаджирства в среде карачаевцев и балкарцев, причем на основе комплекса разнообразных источников, выявленных при работе в Турции и ранее не вводившихся в научный оборот не только в отечественной, но и в зарубежной историографии. Принципиальным для дальнейшей разработки темы представляется вывод о том, что переселения не были непосредственно связаны «с военной экспансией со стороны России», об их в значительной мере ненасильственном и добровольном характере¹⁴.

В неправомерности употребления термина «депортация», обозначающего принудительное переселение, убедилась и А.А. Ганич, также занимавшаяся изучением в зарубежных архивах и фонде Шамиля, находящимся в г. Стамбуле, османских документов связанных с мусульманами из России, прибывшими в разные периоды в единоверные владения султана для постоянного проживания. Ею был впервые организован и проведен сбор сведений в среде потомков черкесской диаспоры в Иордании¹⁵. Работа с источниками и полевые наблюдения позволили А.А. Ганич уточнить смысловую нагрузку понятия «мухаджиры», выявив ее изменения во времени¹⁶.

Подобные преобразования свойственны и другим терминам, ибо они являются порождением тех или иных менявшихся в прошлом обстоятельств. Не подвергающейся изменениям терминологии не существует. Исследователь, безусловно, должен учитывать эту динамику. Мухаджирами в ходе Кавказской войны называли тех, кто перемещался добровольно на территорию имамата, воспринимавшуюся как пространство, находившееся «под властью мусульманских правителей»¹⁷. Существовали в прошлом и иные вариации толкований.

В эпоху Шамиля мухаджирами называли всех мусульман, переходивших в его владения из тех частей Северного Кавказа, которые находились под управлением России. Это выражение употреблялось и в отношении наемников, приходивших из сопредельных горских обществ и занимавшихся до этого разбоями. За счет них пополнялась прослойка «абреков-мухаджиров» в вооруженных силах имамата. Впоследствии, во второй половине XIX в., это явля-

ние, вбравшее в себя также инициативу снизу, изменило направленность и обрело турецкий вектор¹⁸.

В.Б. и Б.В. Виноградовы в свою очередь совершенно справедливо указали, что для достижения объективности в осмыслении явления необходимо учитывать и различия его последствий. В положении горцев, оставшихся в России, существовали немалые преимущества, в том числе, с точки зрения этнического развития. Аналогичные условия для сохранения самобытности у тех, кто оказался в Османской Порте, отсутствовали¹⁹. На Ближнем Востоке до сих пор всех выходцев с Кавказа именуют мухаджирами, не признавая наличия между ними каких-либо культурных различий²⁰.

Осмыслению подвергся «черкесский вопрос» в последние годы и в непосредственном преломлении к современности. Интересны в этой связи аналитические размышления ростовского философа О.М. Цветкова (2010)²¹. В его интерпретации термин «черкесский вопрос» как условность вбирает «...наиболее актуальные для адыгских... этнических активистов проблемы, которые в форме политически окрашенных требований... транслируются... в публичное... пространство и находят... отклик...»²². Соответствующие группировки настаивают на официальном признании внутри страны и за рубежом «геноцида адыгов», осуществленного якобы «Россией в годы Кавказской войны (1817–1864)»²³.

Наряду с требованиями о возвращении «потомков, покинувших пределы своей исторической родины...», по наблюдению О.М. Цветкова, в контексте «черкесского вопроса» обосновывается необходимость расширения «“адыгского субъекта РФ”, с включением в него Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и “...части территорий Краснодарского и Ставропольского краев”»²⁴. При этом «риторика о геноциде», как подмечает автор, «отличается... жесткой непримиримостью к иным точкам зрения и оценкам»²⁵. В публикациях соответствующего содержания руководству современной России предлагается не только признать его, но и «минимизировать негативные последствия Кавказской войны...», события, завершившегося еще в середине XIX в.²⁶

В 2006 г. в Европарламент последовало обращение двадцати адыгских общественных организаций из девяти стран мира, включая Россию. В нем утверждается, что она «ставила целью не только захват территории...»²⁷. Составители, рассчитывая на резонанс, навязывают в очередной раз зарубежному общественному мнению надуманное положение о наличии намерений в российской политике на «полное уничтожение либо выселение коренного народа со своих исторических земель»²⁸. Доказательство исчерпывается, по мнению инициаторов обращения в Европарламент, фразой, сочиненной на основе их собственной убежденности: «Иначе нельзя объяснить причины нечеловеческой жестокости, проявленной российскими войсками на Северо-Западном Кавказе»²⁹.

При непредвзятом рассмотрении такого подхода прослеживается лишь нарушение критерия научности: декларативность обвинения иллюстрируется несколько измененным вариантом одних и тех же утверждений без ссылок на наличие иных концептуальных представлений по проблеме, не имевшей в ис-

тории, безусловно, одного измерения. С таким же обвинительным уклоном по отношению к России 19–21 марта 2010 г. в Тбилиси была организована и проведена при финансовом содействии зарубежных фондов конференция «Скрытые нации, длящиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим»³⁰, носившая явно провокационный характер. Видимо, для более резонансного эффекта, несмотря на просматривающееся отсутствие научного уровня обсуждения намеченной темы, ей был придан статус «международной».

Организацией сбора участников с соответствующими взглядами занимался американский «Фонд Джеймстауна». Инициатива в проведении мероприятия с явной антироссийской направленностью исходила и от Международной школы изучения Кавказа Тбилисского государственного университета³¹. По ее итогам в парламент Грузии поступило заявление о «признании геноцида черкесского народа» и депутатский корпус сразу же изъявил готовность приступить к работе по данному вопросу³². Предусмотренными оказались и «встречи с представителями общественности и неправительственными организациями», обращения за поддержкой к мировому сообществу³³. Факты же спасения Россией от истребления грузинского народа со стороны враждебного сопредельного окружения современным руководством этой республики предаются, как видно, забвению.

Таким образом, тема переселения горцев в Турцию во второй половине XIX – начале XX в. превратилась в спланированную кампанию по дискредитации России, опирающуюся на технологию искажения реальностей прошлого. «Манипулирование историей», по замечанию политолога Д.А. Лавриненко, «выступает определяющим обоснованием требования признания “геноцида черкесов”...»³⁴. По мнению автора, «замалчивание проблемы», наблюдающееся со стороны российского руководства, повышает «риск возникновения кризисной ситуации вокруг Олимпиады...»³⁵, которую заинтересованные силы превращают в дестабилизирующий фактор на Юге России. В этой связи возрастает потребность прежде всего в объективных исторических исследованиях явления мухаджирства, ибо иных более действенных, на наш взгляд, вариантов решения не существует.

О.М. Цветков обратил внимание на опасность того, что появившаяся под влиянием целенаправленной пропаганды «убежденность части адыгов в геноциде способствует формированию у некоторых из них реваншистских идей по “де-оккупации Черкесии”, о “возмещении ущерба”»³⁶. В представленной в историографическом обзоре аналитике верно, на наш взгляд, подмечается и то, что такого рода интенции «вырабатывают у адыгов комплекс жертвы» и направлены на срыв «запланированного на 2014 г. проведения Олимпийских игр в Сочи»³⁷. Активисты усиленно навязывают представления об организации соревнований такого уровня в России как надругательство «над памятью павших за независимость Черкесии горцев», как проявление «кошунства»³⁸.

Реалистичным представляется, на наш взгляд, и прогноз О.М. Цветкова, данный в статье «Адыгский (черкесский) вопрос на Кавказе» о том, что по-

добная организация оценок отечественного прошлого «...продуцирует конфликтность, создает иные политические риски, способные эволюционировать до уровня вызовов и угроз национальной безопасности»³⁹. Разработка автора по «черкесскому вопросу», следует заметить, является наиболее полной, если учитывать только его современное состояние. Во многом, как убедительно показал О.М. Цветков, его рассмотрение в большинстве публикаций, появившихся в последние годы, отличается заведомо идеологизированной предвзятостью.

Без учета ситуации, сложившейся в изучении этой проблемы на рубеже XX–XXI вв., 24 марта 2011 г. в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО (У)) была проведена конференция «“Черкесский вопрос”: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии», организацией которой занималось объединение «Кавказское сотрудничество»⁴⁰. Обсуждение преимущественно сосредоточилось, как заявлено в информационном сообщении, на «...эмиграции черкесов из Российской Империи в Турцию и на арабский восток» и «роли “черкесского вопроса” в современном политическом контексте»⁴¹.

В выступлениях затрагивалась и тема «земли», где должна состояться Олимпиада⁴². Так, Н. Нефляшева (Центр цивилизационных и региональных исследований РАН) особо отметила ее «огромное значение... для черкесов...», увязав тем самым предстоящее международное спортивное событие с историческим явлением мухаджирства. Абхазского писателя Д. Чачхалиа, изложившего на одной из конференций иную точку зрения, ставящую под сомнение «связь черкесов с землей вокруг Сочи», она подвергла резкой критике, обвинив в «непрофессионализме»⁴³. Данное возражение основывается, видимо, на представлении, что для отдельных случаев в поиске истины существуют все же исключения и на них можно установить общепризнанную парадигму, не предусматривающую многообразие мнений, являющееся важнейшим условием развития науки.

Не обошли вниманием на конференции и тему «репатриации черкесов на историческую родину»⁴⁴. Вариант ее решения предложил, в частности, С. Хотко (Адыгейский институт гуманитарных исследований). Он осудил и «шельмование статуса автономий»⁴⁵, переведенного, уточним, в постсоветскую эпоху в разряд конфедеративных по отношению к центру, с обозначившейся перспективой ослабления государственных связей. На склонность С. Хотко к «мифотворчеству» уже обращалось внимание в рецензиях⁴⁶. И на этот раз в заключительной части конференции им вновь была озвучена существовавшая якобы реальность «геноцида черкесов» в эпоху завершения Кавказской войны и последующие периоды проведения российской политики в крае⁴⁷. С. Хотко высказался за «признание событий» второй половины XIX в. «геноцидом», поясняя, что оно «должно иметь не юридическое, а моральное значение»⁴⁸. Но между этими разновидностями регулирования общественных отношений функциональных различий не существует.

Мораль, как известно, служит основой права. Еще в римском классическом его варианте предусматривалось, что все юридические действия, не получив-

шие завершенность, рано или поздно должны обретать фиксацию в законе⁴⁹. Моральные нормы и тогда нередко выступали прологом для итоговых конкретизаций. Проблема заключается и в том, насколько требование признания на этом уровне соотносится с реальностью эпохи и критерием историзма и соответственно научной объективности. Юридические действия должны также основываться на справедливости. Народов, которые при тех или иных обстоятельствах в прошлом не пострадали, не существует. Русские тоже не являются исключением*. Выстраивание же отношений на обидах прошлого бессмысленно и способствует, как правило, лишь порождению деструктивных взглядов.

Вернемся к анализу других заслуживающих особого внимания выступлений на конференции. А. Чечевишников (Центр постсоветских исследований МГИМО (У)) указал на необходимость «в связи с Олимпиадой в Сочи» существенно повысить «уровень анализа черкесской темы в российских властных структурах...»⁵⁰. С сожалением он сослался и на отсутствие стратегии по «черкесскому вопросу»⁵¹. Д. Соколов (Центр социально-экономических исследований регионов РАМСОМ) обоснованно, на наш взгляд, заметил, что «любое общественное движение на Кавказе так или иначе обслуживает интересы местных элит, ориентированных в первую очередь на борьбу за доступ к федеральным бюджетным ресурсам»⁵². К. Казенин (ИА REGNUM), напротив, провел параллель «трагедии сегодняшнего черкесского движения» с «черкесской трагедией» XIX в.⁵³

Таким образом, на конференции возобладала одна из позиций по проблеме мухаджирства, сложившаяся в отечественном кавказоведении под влиянием наследия советской историографической традиции, и предложена в этой связи соответствующая оценка прошлого. Она как раз и получила отражение в итоговом заявлении. В нем по-прежнему утверждается: «События 60-х гг. XIX в. стали трагедией для автохтонного черкесского населения Северо-Западного Кавказа. Военное противостояние России, с одной стороны, и Османской им-

* По выявленным В.О. Ключевским сведениям из источников, частые и внезапные набеги на Россию из сопредельного зарубежья сопровождались массовым разорением и похищениями людей в рабство. Подвергшиеся им области длительное время оставались в запустении, а пленных только в Крым приводили в таком количестве, что при виде их нескончаемых веренищ очевидцы спрашивали, остался ли еще кто-нибудь там, откуда их привели. Невольников массами продавали в Турцию и другие страны Востока⁵⁴. В результате не прекращавшихся набегов вплоть до включения Крыма в 1783 г. в состав России, усилившихся особенно с XVI в. после установления над ним протектората Турции, по имеющимся подсчетам в общей сложности погибло более 5 млн. восточных славян. Если учесть все компоненты демографических последствий, не исключая и снижение естественного прироста населения, цифра потерь многократно увеличится. При подсчете же их на других участках южного приграничья масштабы трагедии России будут выглядеть еще более внушительно⁵⁵. В отдельные периоды набеги с кавказского направления проникали вглубь империи вплоть до донских и волжских поселений⁵⁶. Обстоятельное освещение эта проблема получила в монографии М.М. Блиева (2004)⁵⁷. Приводимые им доказательства в подтверждение версии о том, что одной из причин Кавказской войны явилась набеговая экспансия, весьма убедительны.

перии и ее союзников из числа европейских держав – с другой, в Черноморско-Кавказском регионе завершилось вынужденным массовым исходом черкесов. Сотням тысяч людей пришлось покинуть свою Родину»⁵⁸.

Далее констатируется, что мухаджирство «затронуло также чеченцев, осетин, ногайцев и другие народы Северного Кавказа. Забвение этой трагедии недопустимо»⁵⁹. Призывая «изолировать работу профессиональных ученых и экспертов от текущей политики», составители, однако, особо актуализируют необходимость «изучения и оценки проблемы»⁶⁰. В тексте содержится и сориентированная на вполне определенные концептуальные позиции рекомендация политикам основывать «...деятельность... на понимании и сочувствии»⁶¹. При этом признается наличие разных точек зрения на «характер Кавказской войны» и явление мухаджирства, равно как и то, что «различие подходов – естественное свойство деятельности научного сообщества»⁶². Действительно, как заметил еще видный русский ученый В.И. Вернадский, «...готовые... представления» характерны лишь тогда, когда «...господствуют религиозные и философские навыки мысли...» (1938)⁶³.

В заявлении конференции, тем не менее, фиксируется набор ярлыков – «псевдонаучные изыскания», «политизация проблемы», «зависимость от конъюнктуры», предназначенных для тех, кто при изучении фактов обрел иные представления об исторической реальности переселения горцев в пределы Османской империи, в состав которой входил в тот промежуток времени, во второй половине XIX в., и «арабский восток». В документах конференции этот ареал ошибочно отображается как самостоятельное геополитическое пространство⁶⁴. Возражения напрашиваются и по поводу другой констатации, включенной в заявление и противоречащей признанию необходимости «разных точек зрения» в осмыслении проблемы. На мировоззренческую роль, заметим, претендует любая научная позиция, а полученные в исследованиях идеи в той или иной степени влияют на практические решения при выработке и проведении соответствующей политики.

Организаторы конференции «“Черкесский вопрос”: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии», руководствовались, судя по всему, убежденностью в непререкаемости распространяющихся в последние годы утверждений о наличии «исторической вины России» в трагедии мухаджирства⁶⁵. К участию в работе не были приглашены ученые, придерживающиеся иных взглядов. Не представленными оказались и две ведущие современные научные школы в отечественном кавказоведении: В.Б. Виноградова (Армавирский государственный педагогический университет) и В.Н. Рагушняка (Кубанский государственный университет). Предпринятые ими исследования обогатили осмысление явления мухаджирства, заложив как раз предпосылки для преодоления односторонности.

Оговорка о нацеленности «конечного результата» созданной на конференции «Рабочей группы кавказоведов» на укрепление «российской гражданской нации» при наметившемся подходе к анализу проблемы без учета альтерна-

тивных разработок вряд ли может послужить гарантией сохранения целостности государства. Обеспечить существование его как геополитической реальности, сложившейся в имперский период до 1917 г., не смогли мировоззренческие конструкции, содержавшие миф о «тюрьме народов» и декларации об их сближении при другом политическом режиме в условиях СССР. При наличии «исторической вины России», вопреки успокоительным заверениям организаторов конференции, «разрешение... возникающих... противоречий в духе солидарности, ответственности, конструктивного сотрудничества»⁶⁶ не получится.

В откликах на конференцию уже обращалось внимание на ее «...ангажированность, предвзятость... нацеленность на заранее заданный результат», предусматривающий, что «одна... сторона... одержит верх»⁶⁷. В критических заметках публицист А. Епифанцев верно определяет и суть «черкесского вопроса», вынесенного на обсуждение. По его заключению, она сводится к признанию «геноцида» как следствия Кавказской войны, возврат «этнических адыгов – потомков переселенцев» и объединение «адыгских республик в одну административно-территориальную единицу»⁶⁸.

Анализируя итоги конференции, А. Епифанцев отметил их неизбежную востребованность для «адыгских националистических организаций» и приспособленность к достижению «иных, гораздо более далеко идущих целей»⁶⁹. Пропаганда «геноцида» превратилась в последние десятилетия, по словам автора, в устойчивый элемент политической и общественной практики автономных республик Северного Кавказа, где инакомыслие на этот счет «несчадно карается»⁷⁰. А. Епифанцев небезосновательно, на наш взгляд, полагает, что признание его может иметь для России непредсказуемые последствия⁷¹.

Переселение горцев с территории России во второй половине XIX – начале XX в. в пределы «единоверной державы» используется, таким образом, в неблаговидных идеологических целях. В немалой степени соответствующие интерпретации трагедии способствуют формированию националистических настроений. Как видно, применяют его в качестве «неопровержимого» доказательства не только в науке, но и на практике. В современной отечественной историографии, как уже отмечалось, происходит преодоление односторонности в изучении данного феномена. Это одна из ее концептуальных примет, игнорирование которой не способствует достижению объективности. Принимая во внимание достижения предшественников, остановимся на специальном рассмотрении проблемы, интерпретации которой признаются незыблемыми и не подлежащими концептуальному пересмотру.

Феномен мухаджирства

Обратимся к анализу существовавших реальностей и предопределявших их процессов. В связи с наметившейся в начале 60-х гг. XIX в. перспективой окончания Кавказской войны русским командованием, с одобрения вышестоящих правительственных инстанций, было признано необходимым для предотвращения дальнейшего кровопролития с обеих сторон и ускорения «оконча-

тельного покорения» края применить «важнейшую политическую меру», предоставив возможность всем, кто пожелает, переселиться в единовенную Турцию⁷². При этом предполагалось, что «гораздо выгоднее... дать добровольный исход всему недовольному туземному населению» и в российских пределах «оставить только... тех покорных туземцев, которые были довольны своим настоящим положением»⁷³.

Намерение, как можно судить и по другим источникам, основывалось на стремлении исключить дальнейшие жертвы, в том числе, для участников противостояния с Россией и обеспечить для них скорейший переход к мирной жизни. Один из инициаторов такого подхода генерал Н.И. Евдокимов дал по этому поводу следующее разъяснение: «Переселение непокорных горцев в Турцию, без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок без большого напряжения с нашей стороны, но во всяком случае, я всегда смотрел на эту меру как на вспомогательное средство покорения Западного Кавказа, которое дает возможность не доводить горцев до отчаяния и открывает свободный выход тем из них, которые предпочитают скорее смерть, чем покорность русскому правительству»⁷⁴.

Тем самым, как намечалось первоначально, «с выселением горцев, изъязвивших на это желание, Кавказ избавлялся от населения... беспокойного и враждебного» и преодолевалось противодействие установлению российской юрисдикции в последних его районах⁷⁵. Для достижения этой цели остававшихся непокорными горцев русские войска вытесняли из занимаемых в горах селений, и им предлагалось, «смотря по желанию, или уйти в Турцию, или переселиться на указанные... места» с предоставлением гарантий «устройства их быта на более плодородных землях»⁷⁶. Для этого выделялось от 1 до 1,5 млн. десятин⁷⁷.

Принимаемые решения горцы могли открыто обсудить на аульных сходах⁷⁸. Таким образом, непримиримые горцы должны были сделать вполне добровольный выбор: либо переселиться на равнину или эмигрировать в Турцию. По утвердившемуся тогда мнению, во избежание затягивания конфликта, тех, кто постоянно нарушал спокойствие российских границ, невозможно было оставить в прежних местах. Предшествующий опыт показывал, что если сохранить все как есть, то меры борьбы с грабительскими набегами не дадут каких-либо результатов⁷⁹.

В реализации замысла, судя по всему, не учитывалась степень влияния совпадавшей по времени провокационной агитации эmissаров турецкого султана, привлекавших заманчивыми обещаниями «всех правоверных к переселению в пределы своей империи»⁸⁰. В письме от 12 декабря 1863 г. на имя генерала А.П. Карцова русский поверенный в делах в Стамбуле (Константинополе) Е.А. Новиков поделился следующими наблюдениями: «Турки сами старались поддерживать между горцами симпатию к турецкому правительству и вражду против русских, и настоящее переселение горцев составляет единственное последствие их собственного образа действия»⁸¹.

Среди горцев через мусульманское духовенство распространялись тайные прокламации с настойчивым приглашением «идти в Турцию, где для них устраивается Оттоманским правительством самый щедрый прием и где им будет жить несравненно лучше»⁸². Немаловажную роль сыграли ссылки в прокламациях на «мусульманское братство», обещания «всех благ в случае переселения»⁸³. С помощью их распространялись также слухи о заключенном, якобы, соглашении между турецким султаном и русским императором для обмена «иноверными подданными», разрешающим беспрепятственное переселение. Колеблющимся давались заверения, что Турция выделяет специально участки для прибывающих в ее пределы единоверцев и обеспечивает их даже денежными пособиями⁸⁴.

Несмотря на то, что было известно о намерениях создать из них «ударную силу» против сопредельных христианских народов, и, главным образом, самой России, власти на местах на начальной стадии не придали серьезного значения этой агитации и недооценили опасности широкого исхода⁸⁵. На предшествующих же стадиях, заметим, при аналогичных усилиях его не происходило. Между тем исламизация туземных обществ с годами возрастала и оказывала все большее влияние на обстановку в крае. Использовалась она и для культивирования сепаратистских настроений покинуть Россию и найти приют в единоверной Турции.

Обеспокоенность по этому поводу существовала и в среде русских священников. Учрежденное в 1860 г. в Тифлисе как центре «главного управления» окраиной «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» в проект своей деятельности, в частности, включило положение следующего содержания: «...Ускорить высылку за границу фанатиков и уменьшить численность особенно вредных мулл и эффендиев»⁸⁶. Следует уточнить, что данное объединение не относилось к государственным и не оказывало влияния на проводившуюся политику. Но включенное в проект «О мерах восстановления христианской веры между Кавказскими горцами» (1860) предложение вызывалось судя по всему наметившимся уже тогда массовым выселением в Турцию. Разрастанию масштабов трагедии способствовали не в последнюю очередь фанатично настроенные муллы и эффендии⁸⁷.

Позиция мусульманского духовенства, боявшегося потерять свои привилегии в православной стране, в сочетании с турецкой пропагандой, делавшей ставку на «тяготение к... султану, как представителю правоверных»⁸⁸, оказалась немаловажной в формировании явления «мухаджирства». В призывах широко использовался миф и о «мусульманских землях», где все правоверные обеспечиваются в достаточном количестве плодородными пашнями и пастбищами для скота⁸⁹. Необходимость отказаться от подданства России подкреплялась советами сделать это «во имя пророка Магомета и ислама», против чего, как рассчитывали организаторы кампании, верующим устоять невозможно⁹⁰. Мусульманское духовенство увлекало горцев также и своей склонностью к переселению⁹¹.

Устремленность к нему подпитывалась не только усилиями Турецкой империи. Неплохо осведомленный о происходившем на Кавказе Осман-бей, служивший в качестве офицера в вооруженных силах этой страны, оставил в мемуарах о пережитом такую немаловажную для прояснения всех обстоятельств трагедии информацию. В ней, в частности, содержится указание на то, что англичане «ничего не щадили, чтобы внушить черкесам недоброжелательство к России и вовлечь их в войну с русскими»⁹². Таким образом, внешние влияния, направляемые из-за рубежа, сыграли отнюдь не последнюю роль не только в затягивании войны на Северо-Западном Кавказе, но и в разрастании масштабов трагедии выселения горцев после ее окончания.

Кроме того, на движение в не меньшей степени оказывали влияние и другие неучтенные представителями русской власти факторы. Ориентацию на переселение усиливало, например, введение новых государственных повинностей, неизвестных ранее коренным народам, что порождало в их среде недовольство. Особую роль при этом играли появлявшиеся различного рода слухи и, прежде всего, о возможном привлечении горцев на основе закона к воинской службе, становившейся в России как раз в тот период всеобщей⁹³. Причем наибольшую обеспокоенность вызывали условия ее несения, несовместимые якобы «с требованиями мусульманской религии»⁹⁴. С подобной направленностью агитация велась на Северном Кавказе во всех мусульманских общинах.

Распространявшиеся прокламации достигали практически каждого аула. Несмотря на это, они учитывали местную специфику и отражали существовавшую в ряде случаев психологическую настроенность масс. При обращении к чеченцам, в частности, отмечалась не только «угроза» введения для них воинской повинности, высоких налоговых обложений и других ранее не ведомых им обязанностей, но и то, что для переселяющихся из России «в Турции... приготовлены благодатные места, с чудесным климатом и роскошными лугами, построены дома и мечети»⁹⁵. Такие идиллические картинки, усиливавшие эффективность воздействия, подкреплялись, кроме того, ссылкой о проживании когда-то в прошлом предков этого народа на землях Османской империи⁹⁶.

Среди распускавшихся слухов, видимо не без преднамеренности, культивировались и опасения об установлении «...стеснительной будто бы для правоверных организации мусульманского духовенства», об обременении населения «...налогами на постройку школ, мечетей, хлебных магазинов, горских судов» и другие нужды (по аналогии с повинностями, которые несли русские общины), о лишении «...обществ права свободы выборов кадиев и сельских мулл, так как начальство, по мнению горцев, утверждает не тех, кого избирает общество, а кого само желает»⁹⁷.

Однако это не соответствовало тому, что было на самом деле. Попадавшие под юрисдикцию России иноэтнические сообщества края, в том числе и горцы, например, на землях, принадлежавших казачеству Черноморья, не могли, как считает Ф.А. Щербина, «пожаловаться на неблагоприятные условия их жиз-

ни»⁹⁸. Они были освобождены от каких-либо повинностей, а к военной службе привлекались лишь на сугубо добровольной основе⁹⁹. При этом русские власти не меняли их внутренний уклад, общественные, бытовые и семейные порядки. Нравы и религия признавались неприкосновенными. Соответственно притеснениям не подвергались и муллы. Сохранялся даже традиционный способ судопроизводства, основывавшийся на народных обычаях (адатах) и исламском праве (шариате)¹⁰⁰. Уважительные по отношению к местной самобытности подходы выдерживались по всему Северному Кавказу.

Вместо отбывания воинской службы лишь с 1887 г. для мусульманского населения края был введен небольшой налог¹⁰¹, дававший ему с учетом аграрного способа производства дополнительные преимущества, благоприятно влиявшие, прежде всего, на хозяйственную деятельность и демографические процессы в иноэтнической среде. Немалую тревогу у горцев вызывали и попытки расширения сферы исповедания христианства, рассматривавшегося в управленческих кругах в качестве предпочтительного средства в цивилизационном противостоянии враждебному исламскому миру и существенного препятствия для реализации соответствующих турецких интересов в регионе¹⁰².

Такую же реакцию поначалу вызывало и открытие русских школ грамотности, воспринимавшихся сквозь призму сохранявшейся фанатичности как «...посягательство на ослабление... языка, и, вместе с тем... религиозных чувств»¹⁰³. Следует отметить, что не все жители аулов разделяли мнение переселявшихся. В таких случаях для вовлечения нередко использовался авторитет народных собраний и родовых общественных норм, унаследованных от предшествующих поколений и игравших наряду с мусульманством мировоззренческие функции¹⁰⁴. Для этнолокальных объединений, имевших сильную внутреннюю психологическую привязанность, подобное воздействие, как правило, оказывалось результативным и не давало сбоев.

В одном из служебных разъяснений по поводу сложившейся ситуации начальник Баталпашинского отдела поделился следующим наблюдением: «...многие горцы, помимо личного своего желания, находились под давлением влиятельных фамилий или большинства и дабы не препятствовать остальным одноаульцам, вносят свои имена в списки изъявивших намерение переселиться в Турцию, тогда как при иных условиях они, вероятно, навсегда остались бы подданными России»¹⁰⁵. Следовательно, массовость подпитывалась в ряде случаев давлением традиционных укладов туземных обществ, против которых вовлекавшиеся в движение устоять были не в силах.

Размах переселения обуславливался вместе с тем стремлением привилегированных сословий горцев сохранить свои феодальные права на крестьян и забрать их в Турцию, где крепостнические порядки еще прочно удерживались, тогда как в России они были отменены реформой 1861 г.¹⁰⁶, что, безусловно, необходимо принимать во внимание при выявлении истоков разыгравшейся трагедии. После издания 19 февраля «Манифеста», предоставившего «крестьянскому сословию... права свободных сельских обывателей», встал вопрос «о

применении... по мере возможности...» его положений «к различным видам зависимых сословий... на Кавказе», существовавших «между туземными племенами»¹⁰⁷, и который был возбужден перед вышестоящими правительственными инстанциями «кавказским начальством»¹⁰⁸.

В крае российская политика на этом направлении стала претерпевать изменения. В Дагестанской области, например, от «...невмешательства во внутренние дела ханств» местные власти перешли, учитывая «неудовольствие народных масс ханами и их управлением», к преобразованиям¹⁰⁹. С 1863 по 1867 гг. «все ханства и отдельные владения ликвидируются»¹¹⁰. Подвластное население освобождается «от всех видов повинностей в пользу правителей»¹¹¹, что способствовало устранению феодальных пережитков. Для смягчения обстановки и предотвращения возможных конфликтов ханам назначаются государственные пенсии, некоторым из них «были пожалованы и земли»¹¹². Необходимо заметить, что реформы на Северо-Восточном Кавказе пришлось как раз на период наиболее массового переселения горцев в Турцию. При их проведении, видимо, недоучитывали последствий ломки для других частей края, где степень влияния феодальной аристократии на массы оказывалась выше.

Оказывали влияние на разрастание мухаджирства и переселившиеся родственники, а также иные, не зависевшие от местных и центральных властей обстоятельства¹¹³. Сказалось, видимо, и то, что вовлеченные в массовое переселение туземные общества, не достигли на предшествующем этапе устойчивой этнической консолидированности в пределах какой-либо определившейся территории, сохраняли племенную и политическую обособленность, не имели единого управления, финансовой системы и военных подразделений¹¹⁴. В этом отношении не существовало сдерживающих противовесов. Объединения, не изжившие еще племенные деления, как показывает мировой опыт, имеют повышенную предрасположенность к распаду. Происходит он и под влиянием появляющихся разрушительных мифологем, особенно если прикрытием для них служит утвердившаяся ранее религиозная система.

Уход в Турцию нередко происходил тайно. Так, в 1876 г. из Стамбула (Константинополя) в Кавказское горское управление 7 февраля поступило очередное тревожное предупреждение от посла России Н.П. Игнатьева, в котором говорилось, что возглавляемое им дипломатическое ведомство уже не раз обращало на это внимание краевых властей. В послании также указывалось на недостаточность «надзора на границе и об огромном количестве лиц, находящихся возможность прибыть в Турцию без паспортов и без дозволения начальства»¹¹⁵. В силу этого огромное количество горцев выселялось, как заметил Я. Абрамов, многие годы занимавшийся на рубеже XIX–XX в. изучением данного вопроса, «без ведома русского правительства»¹¹⁶. Противодействие при таких обстоятельствах оказывалось весьма затруднительным, а в ряде случаев и невозможным. Попытки налаживания его чаще всего не давали ожидаемых результатов.

Осуществлявшийся на основе разрешений контроль предпринимался в интересах самих мухаджиров. Переселявшимся официально оказывалась помощь.

Еще в 1857 г. начальник штаба Кавказского корпуса Д.А. Милютин в донесении военному министру предельно четко изложил представления офицерского корпуса на этот счет: «...обязанности к человеческому роду требуют, чтобы мы заблаговременно приняли меры для обеспечения существования даже и враждебных нам племен, которых по государственной надобности вытесняем из их земель»¹¹⁷. На оказании помощи переселявшимся в Турцию горцам настаивали и другие представители высшего командования русской армии, действовавшей на Кавказе. Эта инициатива получила и «высочайшее утверждение»¹¹⁸.

Оказание материальной поддержки мухаджирам предусматривалось при разработке постановления «Кавказского комитета о переселении горцев», вступившего в силу 10 мая 1862 г. После этого для практической реализации принятых решений формируется специальная комиссия, призванная координировать деятельность подключенных к содействию ей различных административных подразделений и структур¹¹⁹. Для организации помощи были созданы специальные комиссии и на местах с возложением на них обязанностей «вникать во все нужды переселенцев», помогать им в более выгодной «продаже имущества, которое они не могут взять на пароходы», смотреть, чтобы «судохозяева их не притесняли»¹²⁰.

Комиссии следили даже за тем, чтобы «суда из-за своекорыстных расчетов владельцев излишне не перегружались и тем не развивали между ними смертности во время переезда»¹²¹. Благодаря поддержке русских властей, горцы стали продавать имущество по довольно выгодной цене. Наиболее нуждающимся из них на переселение выдавались от российской казны пособия: лицам среднего достатка как дополнения «к их собственным средствам», малоимущие перевозились полностью на выделенные средства от казны. При этом в первую очередь они предоставлялись «беднейшим многодетным семьям»¹²². Переселенцам заготавливались, кроме того, одежда и провиант. За свой счет отправлялись только состоятельные¹²³. Таким образом, переселение горцев в Турцию осуществлялось в какой-то степени и на средства, выделенные российской казной.

«Выходившим с покорностью» горцам имперской администрацией также предоставлялась материальная поддержка, для чего целенаправленно «ассигновывались средства на вспомоществование... заготавливался провиант для прокормления их во время зимы»¹²⁴. К слову, такая помощь государством не оказывалась русским переселенцам, например духоборам и другим сектантам, выезжавшим в конце XIX в. за рубеж, в Канаду и другие страны, вследствие нежелания подчиниться все тому же закону о всеобщей воинской повинности, который на них, в отличие от мусульманских народов, в действительности распространялся, и по отношению к ним власти не хотели идти ни на какие уступки¹²⁵. В связи с этим производились массовые аресты, расселения по чужим селам, применялись и иные меры предельно жесткого административного воздействия¹²⁶. Заселявшим край стали выделяться незначительные пособия от казны лишь в начале XX в., преимущественно в период столыпинских аграрных преобразований, и то «сугубо при водворении» и далеко не во всех случаях. В дальнейшем они могли полагаться только на свои силы¹²⁷.

Покидавшим Россию мухаджирам помощь оказывалась из гуманных соображений вплоть до того, пока они находились в ее пределах. Начальник Кубанской области обязал станичных атаманов и аульных старшин обеспечивать им всяческую поддержку при прохождении через все без исключения поселения, вверенного в его управление края. Исполнение этого распоряжения он взял под свой личный контроль, а в ряде случаев для предотвращения затруднений участковым начальникам приказывал опекать переселяющихся с места их жительства до Новороссийска, не снимая варианта при необходимости личного участия в передвижении, чтобы оперативно решать вопросы обеспечения¹²⁸.

Помощь и содействие по пути следования получали и те, кто отправлялся в Турцию сухопутным путем. Маршрут их продвижения заранее подготавливался, оборудовались места для ночлега, с запасом сена и дров. Переселенцев до самой границы сопровождали русские офицеры, на которых, прежде всего, возлагались организаторские обязанности. Они также были ответственны за снабжение мухаджиров и их безопасность до пересечения турецкой границы. Вследствие принимавшихся мер продвижение по российской территории, например, чеченцев, проходило, как правило, без особых сложностей и происшествий¹²⁹.

Во владениях же султана соответствующих подготовительных мероприятий не проводилось и условия к приему переселенцев отсутствовали. Места для размещения прибывающих партий не были намечены, достаточных запасов провианта и фуража, в отличие от России, предварительно не заготавливалось¹³⁰. Хотя, нужно сказать, в этой стране в 1862 г. для содействия «беженцам» также были учреждены соответствующие структуры: специальный комитет в Стамбуле и «Верховная комиссия по переселению», руководство которой было поручено Хафизу-паше, являвшемуся губернатором Трапезунда¹³¹. Но их деятельность носила скорее показательный характер и являлась формальной, вследствие чего прибывавшие партии оказывались в сложном положении.

Поддержки мухаджиры не встречали и со стороны населения Османской империи. Причем само их размещение порождало нередко конфликты, так как под создаваемые поселения существенно урезались земли, использовавшиеся кочевниками для пастбищ, в Мушском санджаке с традиционной территории проживания были вытеснены армяне. Такие же перемещения предпринимались на Балканском полуострове, находившемся тогда в составе Турции¹³². На этой почве столкновения с прибывающими из России происходили в ее пределах повсюду: от арабских провинций на Ближнем Востоке до христианских на юге Европы¹³³.

В ходе стычек мухаджиры несли дополнительные потери. По многим параметрам ряд из них обретал сходство с настоящими межэтническими войнами, как, например, с племенем ал-Балкавийа в 1910 г., в которых даже фактор единства веры и приверженности ценностям ислама не имел никакого значения. В России же отношение к мухаджирам в преобладающей степени было сочувственное. Так, тебердинских переселенцев казаки настойчиво уговари-

вали вернуться, и для того, чтобы предотвратить переселение соседей, ехали за их подводами на весьма большое расстояние, вплоть до самого Армавира¹³⁴.

В воспоминаниях потомков мухаджиров, основанных на рассказах представителей старших поколений, по сведениям, изложенным в монографии З.Б. Кипкеевой, сохранились упоминания не только об этом, но и о том, что в переселении мирных горцев в Турцию не было заинтересовано и русское правительство, пытавшееся всеми мерами удержать их от этого намерения. Даже после посадки на корабли к ним неоднократно присылались чиновники и предлагали «еще раз все обдумать и остаться». Помнят и о настойчивых попытках тех, от кого зависела проводимая политика в крае, «пресечь агитацию за переселение»¹³⁵.

Сохранились и подтверждения об обращении императора Александра II к горцам Северо-Западного Кавказа, откуда уже на завершающем этапе Кавказской войны наметились наиболее массовые выселения. На встрече 18 сентября 1861 г. с представителями от их обществ он сделал следующее заявление: «Я к вам прибыл не как враг, а как доброжелательный друг. Я хочу, чтобы ваши народы сохранились, чтобы они не бросали родных мест»¹³⁶. Последовало от монарха также разъяснение, что признание российского подданства никого «...не лишит... национальной самобытности»¹³⁷. Однако установленное на некоторое время перемирие вскоре было нарушено из-за возобновившихся нападений горцев (абадзехов) на русские военные соединения, что в немалой степени и предопределило все последующие события¹³⁸.

Таким образом, переселение в Турцию непримиримых горцев вызывалось стремлением в несколько видоизменившейся российской политике сократить размеры кровопролития и ускорить окончание войны на Северо-Западном Кавказе. Горцы имели возможность открыто обсудить на аульных сходах принимаемые решения и сделать вполне добровольный выбор. Трагедия явилась следствием множества не зависевших от России влияний. Пагубную роль сыграл обман со стороны влиятельных соплеменников.

Для формирования сепаратистских настроений покинуть Россию мусульманским духовенством, позиция которого также была немаловажной, задействовался фактор единства веры. Необходимость отказаться от подданства России подкреплялась соответствующей религиозной пропагандой. Сказывалось введение новых государственных повинностей, давление традиционных укладов, авторитет народных собраний и родовых общественных норм. Для этнолокальных объединений, имевших сильную внутреннюю психологическую связь, это оказывалось решающим обстоятельством.

Попытки остановить переселение

Официальное разрешение на эмиграцию горцам, не хотевшим принимать российское подданство и сделавшим в пользу ее добровольный выбор, последовало в 1862 г., но уже к 1865 г. она приняла, вопреки тому, что ожидалось, массовые, не предвиденные размеры¹³⁹. Столкнувшись с этим, представители

русской администрации на Кавказе практически сразу стали предпринимать усилия остановить выселение. Так, секретным предписанием от 30 марта 1862 г. начальник Кабардинского округа возложил обязанность на управляющих участков «строго следить... за людьми, которые распространяют слухи в народе, будто бы начальство разрешило всем туземцам переселиться в Турцию... Слухи эти... приняли постепенно такие размеры, что бессознательно воспламенили большую часть народа желанием оставить родину и переселиться в пределы Турецкой империи»¹⁴⁰.

А в рапорте начальнику Терской области от 4 мая одного из начальников округов, обеспокоенного тем, что распускаемые «разные неосновательные толки» могут «вовлечь легковверных жителей в ошибку и разорения», напрямую предлагалось «удалить ведущих агитацию за переселение в Турцию лиц»¹⁴¹. По предположению составителя рапорта, это явится «самым лучшим средством к успокоению народонаселения»¹⁴². Русские чиновники, осуществлявшие управление на местах, выезжали в аулы и «при общем сборе увещевали ясными доводами народ оставить намерение перейти в Турцию» и даже «строго объявили, что жители, которые будут продавать свое имущество, подвергнутся наказанию»¹⁴³. С горскими обществами для прекращения переселения подписывались и специальные приговоры, которые должны были выполнять, по мнению властей, сдерживающие функции¹⁴⁴.

В служебной переписке того времени неоднократно выражалось глубокое сожаление о том, что «мирное, трудолюбивое население» покидает пределы России. Во взглядах на ситуацию господствовала точка зрения, что страна не сможет очень долго освоить край людскими ресурсами и такой исход не отвечает ее государственным интересам. Существовавшие противоположные представления в среде тех, кто был причастен тогда к выработке мер по стабилизации обстановки, «не нужно жалеть об уходе... ущерба от него... не будет»¹⁴⁵, как заметно по изложенным фактам, не являлись определяющими в российской политике.

Не нашло в правительственных кругах, в том числе у других представителей краевой власти, поддержки и мнение о том, что если, в частности, абхазское население, «возымеет намерение удалиться в Турцию, то... этому препятствовать не следует», высказанное 27 февраля 1864 г. кутаисским генерал-губернатором Святополком-Мирским¹⁴⁶. Поэтому его можно рассматривать лишь как частное. Поборники таких настроений подвергались критике за непонимание подлинных интересов России на Кавказе, а также за прямые в ряде случаев злоупотребления¹⁴⁷. Они, как правило, снимались с должностей и понижались в званиях.

Еще командующий на Кавказской линии и Черномории Вельяминов настаивал на незамедлительном удалении скомпрометировавших себя в отношении местных народов управленцев и замене их «людьми бескорыстными»¹⁴⁸. Представители русской власти стремились всячески способствовать тому, чтобы «туземцы не возмущались» и «завоевывать их доверие». При назначении на должности предпочтение отдавалось тем, кто проявлял к ним гуманность и забот-

ливость¹⁴⁹. Учитывалось вместе с тем знание местной специфики, наличие практического опыта работы в данных условиях.

В 1867 г. эмиграция горцев в Турцию была в России запрещена и разрешена «частным порядком, в отдельных, исключительных случаях»¹⁵⁰. Последовало жесткое предупреждение, что даже само «заявление о переселении будет считаться преступным»¹⁵¹. Тем не менее некоторые уступки под давлением обстоятельств, вызванных поступлением многочисленных просьб, впоследствии вынужденно все-таки делались¹⁵². В том же году произошла и продажа Аляски «сроком на 99 лет»¹⁵³. Такое совпадение по времени вряд ли случайно. Судя по всему, события на Кавказе и продажа Аляски (1,5 млн. кв. км.) имели взаимосвязь. По крайней мере, эта продажа была вызвана все той же неуверенностью в возможности России «освоить окраины».

Существует мнение, что сделка по бывшей российской провинции в Америке заключалась навсегда. И из-за произошедшего впоследствии с ним трудно не согласиться. Территория Аляски в кратчайший период оказалась колонизованной другим государством. Именно этот фактор, на наш взгляд, предопределил не в последнюю очередь вектор ее принадлежности независимо от того, какие перспективы обозначались при подписании договора. В этом отношении выселение горцев обернулось для империи территориальными потерями и относится, безусловно, к числу крупнейших геополитических неудач.

При оценке последствий во внимание должно приниматься и то, что часть мухаджиров, как уже указывалось, в дальнейшем использовалась во враждебных для России целях, в том числе и на Балканах. Установленные для «исключительных случаев» законодательные препятствия не смогли, к сожалению, как и другие меры, сдержать переселение¹⁵⁴. В приказе по Кабардинскому округу от 10 октября 1869 г. этому давалось следующее объяснение: «Существовавшие до сего частные разрешения на переселение в Турцию возбудили... в населении надежды, что каждый сможет воспользоваться таковым... а это повлекло за собою... упадок... в хозяйстве» и стало «неблагоприятно влиять на благосостояние населения». По этой причине «высшее начальство сочло нужным... воспретить... переселение в Турцию, под каким бы то ни было предлогом»¹⁵⁵.

По распоряжению, например, начальника Терской области начальники участков сделали «объезд по аулам и в каждом из них при полном сборе аульного общества» объявили, что впредь «никто не может рассчитывать на получение разрешения на переселение в Турцию, и никакие просьбы о том принимаемы не будут»¹⁵⁶. Местные власти предпринимали и другие попытки «привести население к утверждению, что нельзя ожидать добра от переселения»¹⁵⁷. В Дагестанской области до 1873 г. даже для «исключительных случаев» была установлена особая норма численности переселенцев, которым «дозволялось выселяться легальным образом»¹⁵⁸.

Отмена ее произошла только после того, как стало очевидным, что движение не примет массового характера. В Кубанской области, чтобы закрепить горцев «на местах... настоящего поселения», предоставлялись некоторые льготы, а просьбы об этом исходили и от казачьих офицеров. Так, атаман Баталпа-

шинского отдела Братков, опасаясь, что «все горцы уйдут в Турцию», 1 декабря 1888 г. писал наместнику Кавказа «о безусловной необходимости остановить... их», и, в частности, разрешить для достижения этого бесплатное пользование пастбищными полями нагорной полосы «и, по возможности, остающимся предоставить другие материальные выгоды»¹⁵⁹.

В ряде случаев, как уже упоминалось, для остановки переселения использовались и «меры строгости», но они сводились чаще всего лишь к ограничениям и затруднениям при выдаче разрешений. Представители русской власти действовали для этой цели «силу местных обычаев», обращаясь с воззваниями «...к почетным представителям горских племен, убеждая их повлиять... на настроенность масс»¹⁶⁰. В рекомендациях атаманам отделов и начальникам округов указывалось на важность обращений «...к чувству чести и совести горского населения», так как они нередко давали положительные результаты. О том, что «горцы... подчиняются воздействию администрации», свидетельствовало вместе с тем «...значительное уменьшение числа преступлений и возникновение в аулах русских школ грамоты»¹⁶¹.

Однако, как не раз с сожалением отмечалось управлениями всех уровней, «население не совсем доверяет... заботливости... местному начальству и его намерениям... обратить горцев на путь мирного, честного труда, идти навстречу их нуждам»¹⁶². Для преодоления данного психологического барьера необходимы были не только конкретные подвижки в разрешении существовавших проблем, но и время. Доверие к русской власти существенно подрывалось пропагандой турецкой агентуры, поддерживавшей стремления к переселению в пределы Османской империи и тайно распространявшей соответствующие «агитационные идеи, поселяя между народом разные неудовольствия на действия местного начальства, старающегося подавить движение их в Турцию»¹⁶³.

Вследствие этого остановить переселение, несмотря на предпринимаемые усилия, полностью не удавалось, продолжалось оно еще и в 90-е гг. XIX в.¹⁶⁴ По информации, имевшейся в распоряжении управленческих структур, «с 1893 г. среди мусульманского населения Кавказского края стало усиленно обнаруживаться стремление к оставлению своего отечества и переселению в пределы соседней единой верной Турции»¹⁶⁵. В отличие от предшествующих этапов, в движении, имевшем «вначале почву в чисто экономических причинах», усилились, как отмечалось в служебной переписке, религиозные и политические мотивы¹⁶⁶.

В 1899 г. в Министерстве внутренних дел было образовано особое совещание для обсуждения новых мер, которые «надлежало бы принять против указанного ненормального явления» и для «выработки правил, долженствующих служить к руководству при заявлении русско-подданными из мусульман желания навсегда переселиться в Турцию»¹⁶⁷. Несмотря на это, его разрастание продолжалось. В 1902 г. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе (должность заменявшая до 1905 г. наместника) генерал-адъютант князь М.С. Голицын вынужден был признать, что движение охватило почти все области и губернии окраины, в которых проживало мусульманское население¹⁶⁸.

Эти наблюдения подтверждались и поступавшими в органы власти прошениями о разрешении на переселение в Турцию. Ходатайства в начале XX в. стали подкрепляться все более частыми ссылками на «неблагоприятные жизненные условия, малые земельные наделы, не обеспеченность существования... семей»¹⁶⁹, что, так или иначе, являлось отражением появления признаков экономического кризиса в стране. Средства к разрешению возникших проблем по-прежнему изыскивались. Но попытки удержания, тем не менее, оказывались безуспешными.

В донесении войсковому наказному атаману казачьих войск начальник Кубанской области и наказной атаман кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Я.Д. Малама по этому поводу сообщал следующее: «...мною было предложено... принять все меры к успокоению жителей, вознамерившихся переселиться в Турцию, и разъяснить им все те невыгодные последствия, с какими сопряжено для них это переселение»¹⁷⁰. Однако, по его словам, после исполнения поручения последовал ответ, что все «...убеждения не привели к желательным результатам; просители упорно заявили свое желание переселиться в Турцию»¹⁷¹. Сталкиваясь даже с такой одержимостью, ответственные чиновники старались не отступать.

Для изменения ситуации прилагались дополнительные усилия. В 1903 г. начальник штаба кавказских казачьих войск передал на места предписание командующего генерал-лейтенанта Фрезе, в котором рекомендовалось объявить просителям о том, что при переселении они могут рассчитывать только на свои собственные средства, так как поддержка от казны будет прекращена, и, кроме того, они должны погасить все недоимки по налогам, если они числятся за ними. Вместе с тем предлагалось проводить разъяснительную работу о бедственном положении тех, кто уже покинул пределы родины и невозможности получить какую-либо помощь от турецкого правительства¹⁷².

Изложенное показывает что, представители русской власти на разных этапах, в том числе, и в начале XX в., последовательно пытались предотвратить переселение, и все утверждения о том, что горцев «не удерживали... и даже поощряли их выезд», отбирая у них земли, и т. д.¹⁷³ не опираются на источники. Нередко такие утверждения сопровождаются и прямой подтасовкой фактов. По каждому случаю легального переселения горцев в Турцию, например, в начале XX в. писались рапорты в краевую администрацию с разъяснением мотивов, которыми руководствовались представители русской власти на местах при выдаче разрешений¹⁷⁴.

Так, в одном из них военный губернатор Дагестанской области сообщал в 1907 г. наместнику его императорского величества на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову: «Жители Кайтаго-Табасаранского округа, селений Шира и Кишия, ходатайствуют о разрешении им с семьями переселиться навсегда в Турцию»¹⁷⁵. Указывая на отсутствие препятствий «к означенному переселению», генерал-губернатор в приложении отметил, что при рассмотрении просьб во внимание принимались «шесть общественных приговоров»¹⁷⁶. Учитывались и личные подписи переселявшихся «о невозвращении в пределы Российской

империи»¹⁷⁷, использовавшиеся в качестве сдерживающего средства от намерения на переселение в Турцию.

Рапорт был зафиксирован в канцелярии военного губернатора Дагестанской области в г. Темир-Хан-Шура, проходил на этом же уровне по военно-народному управлению и соответственно взят на заметку в аппарате наместничества на Кавказе в г. Тифлисе¹⁷⁸. Наличие такой системы служебной переписки свидетельствует о наличии контроля за деятельностью чиновников нижестоящих инстанций в данном вопросе. Между тем в попытках предотвращения переселения для кавказской администрации существовало и обстоятельство, не подлежавшее каким-либо изменениям, что также понижало эффективность всех принимавшихся решений.

Одним из распространенных предлогов, которым пользовалось «туземное население», было заявление о желании совершить паломничество (хадж) в Мекку, «для поклонения гробу пророка Магомета сроком на один год»¹⁷⁹. Получавшие разрешение не всегда возвращались в Россию. Императорское посольство в Стамбуле (Константинополе) неоднократно сообщало в Петербург «об отъезде... горцев в Турцию под предлогом путешествия в Мекку»¹⁸⁰. Относясь с уважением к мусульманской традиции, предписывавшей каждому верующему хотя бы раз в жизни совершить такое паломничество, русские власти оказывались в затруднительном положении при применении ограничений.

Выявление потенциальных эмигрантов под прикрытием религиозных намерений было невозможно. Хорошо знакомый с особенностями подрывной в делах веры, миссионерской деятельности западноевропейских конфессий в различных ареалах мира, француз Ге де Лакост с восхищением заметил, что русские «...хотят приобрести доверие покоренных народов, не противоречить им ни в их верованиях, ни в их обычаях»¹⁸¹. Об этом было известно и на зарубежном Востоке, где наблюдалась иная практика владычества других империй. Отсутствие в России «...притеснений по религиозным мотивам» отмечали, делаясь воспоминаниями своих предков в беседах с З.Б. Кипкеевой, и потомки мухаджиров в Турции¹⁸².

Напротив, по их заверениям, именно в этой стране переселенцы столкнулись с запретами на использование родного языка и культуры, не говоря уже о возможности их творческого развития. Обучение детей и отправление религиозных обрядов разрешалось только на турецком языке. Для этой цели во все мечети, связанные с местами расселения выходцев с Кавказа, направлялись представители турецкой национальности. В школах же, открывавшихся во многих аулах в российских пределах, право на преподавание основ ислама предоставлялось представителям от коренного населения, получившим духовный сан, также как и на отправление обрядов в мечетях¹⁸³.

Препятствий не было и для желающих посетить мусульманские святыни. Утверждение М. Гаммера, что «...политика России всегда была антиисламской», предполагала запрет «на отправление религиозных мусульманских обрядов» и «...невозможность совершить хадж, паломничество в Мекку и Медину»¹⁸⁴, является не более чем надуманным. В подтверждение им приводится

всего лишь небольшой фрагмент из документа, который содержит лишь частное размышление составителя о предпочтительности восстановления христианства на Северном Кавказе. К тому же предпосылки для этого в действительности существовали, так как оно до начала исламизации в крае имело более широкое распространение, чем предполагалось ранее и являлось наследием Византийской империи¹⁸⁵.

Приведенное М. Гаммером «доказательство» не может служить в качестве «неоспоримого свидетельства», так как, во-первых, не отражает ни в коей мере официальной позиции, а во-вторых, существуют многочисленные факты, позволяющие делать выводы прямо противоположного свойства. Упование в источнике на неизбежность правления с использованием силы оружия «до тех пор, пока не будет Крест... воздвигнут над горами и долинами», а мечети «...заменены Храмами Спасителя»¹⁸⁶, должно восприниматься с учетом данных уточнений. Без этого заключение М. Гаммера об «антиисламском» характере российской политики не может быть признано объективным, а соответственно и научным.

О том, какое отношение к явлению «хаджа» было в России, говорит хотя бы такой факт: паломникам в отдельных случаях выделялась помощь от казны¹⁸⁷. К содействию были подключены и государственные структуры, наделенные соответствующими полномочиями¹⁸⁸. Разрешено было совершить паломничество вскоре после наступления мира на Кавказе и имаму Шамилю¹⁸⁹. Запрета на хадж не появилось в России даже в период первой революционной смуты¹⁹⁰. Не прерывался хадж и тогда, когда накануне Первой мировой войны при помощи турецкой агентуры среди богомольцев, возвращавшихся из Мекки, были предприняты попытки активизировать исламский фактор¹⁹¹.

Несмотря на то, что такого рода подрывная деятельность проводилась с размахом, это не изменило отношение представителей русской администрации к явлению. Разрешения продолжали выдаваться. Совершая паломничество в святы места, российские мусульмане, исполнив свой священный долг, в подавляющем большинстве возвращались на Родину. Поэтому проверить истинные намерения тех, кто использовал хадж как предлог для эмиграции, практически было невозможно.

В конечном итоге общее количество переселившихся, вопреки первоначальным ожиданиям, было значительным и весьма поверхностно учтено в сохранившейся статистике. По имеющимся в ней данным можно только предполагать, что оно составило от 400 до 500 тыс. человек¹⁹², хотя исследователями называются и другие цифры. Из них на западную часть края приходилось 95 %, а на восточную, где те же оперативные мероприятия, направленные на ограниченное выселение «наиболее беспокойных и враждебных» России племен, так и не привели к ожидаемым последствиям, — только 5 %¹⁹³. Такая неравномерность, безусловно, не случайна, и объяснение ее может вскрыть некую закономерность столь масштабного выселения горцев, которое, как видно из проведенного анализа, было не в интересах России.

Целенаправленное воздействие для побуждения к переселению наиболее враждебных России племен было, как уже сказано, сугубо ограниченным и при одинаковом использовании в восточных и западных частях северокавказского края дало совершенно разные результаты. Разгадку этому нужно искать, несомненно, не только в том, что Турция, дав согласие, например, на переселение нескольких чеченских племен, в 1866 г. вероломно отказала им в приеме¹⁹⁴. Следовательно, целенаправленное воздействие, применявшееся к тому же лишь на начальной стадии, не могло быть определяющим в формировании явления мухаджирства. Переселение в Турцию, кстати сказать, происходило и из внутренних губерний России, но оно никогда не принимало столь массового характера, также как и с других восточных окраин¹⁹⁵.

С.-Э.С. Бадаев в специальной разработке о распространении мухаджирства в вайнахской среде преувеличивает, на наш взгляд, размеры исхода, ссылаясь в качестве доказательства на содействие «генерала из мусульман» М. Кундухова, за которым последовало в Османскую империю незначительное количество переселенцев (до 3 тыс.). Это касается и проекта по заселению Северного Кавказа южными славянами, так и оставшегося проектом, так как от его реализации отказались вскоре после возникновения. Об этом свидетельствует и предельно низкий процент соответствующих этнических групп в составе населения края. Из представленной же выборочной иллюстрации фактов следует, что намерения, отраженные в нереализованном проекте, будто бы являлись главными в российской политике¹⁹⁶.

На протяжении ряда веков установилось следующее распределение влияния на Кавказ сопредельных государств: Ирана – в восточной части, по побережью Каспийского моря, России – в северо-восточной и центральной частях, Турции – в западной части, по побережью Черного и Азовского морей¹⁹⁷. На это обратил внимание еще в 20-е гг. XIX в. генерал А.П. Ермолов, имевший разностороннюю осведомленность о геополитических особенностях края: «Турки... сильное... имея влияние на многочисленные закубанские народы»¹⁹⁸. Выделялось это и в отечественной историографии в 20–30-е гг. XX в., когда, собственно говоря, в соответствии с идеологическими установками и происходило становление версии «исторической вины» России за «истребление туземного населения»¹⁹⁹. В начале 90-х гг. XX в. эта особенность подтверждена также в исследованиях А.Х. Бижева, А.Х. Касумова и др.²⁰⁰

Однако из изложенного выше очевидно, что в преобладающей степени переселение произошло из зоны традиционного турецкого влияния, что в сопоставлении с приведенными фактами показывает, кто является главным виновником разыгравшейся трагедии. На выселение исключительно только с «Западного Кавказа» после «окончания в 1864 г. войны» представителями русской власти обращалось внимание по мере разрастания масштабов мухаджирства²⁰¹. В служебной документации констатировалось без должных объяснений, что «огромное большинство горского населения... переселилось в Турцию...» именно из «этой части края»²⁰².

Преследуя свои цели на Кавказе, Османскую империю всемерно поддерживали некоторые западные державы, и, прежде всего, Англия, игравшая, используя свой колониальный опыт, на «религиозных чувствах горцев» для «восстановления их против России»²⁰³. Так что картина произошедшего вырисовывается совершенно иная. Надлом был вызван не в последнюю очередь скрытыми обстоятельствами, которые представители русской администрации не смогли своевременно учесть в проводившейся политике. Предопределенность прошлым в складывавшихся условиях выступала не только как объективная реальность, недопонятая современниками. Эффективного противодействия она соответственно не получила.

На ситуацию оказывали воздействие также случайности, что допускается теорией исторической синергетики, являющейся пока новацией среди прочих научных направлений²⁰⁴. Однако возможность изменений детерминаций и случайностей, их своеобразных взаимоналожений и соединений в синергетике пока не учитывается. Поскольку действительность была более многообразной, в ней нередки сложные трансформации. Распознавание порождаемых ими состояний облегчается лишь при наличии опыта. Анализ фактов указывает на исключительную роль в формировании явления мухаджирства именно турецкого фактора.

Показательны в этой связи и личные представления сына Шамиля Джемал-Эддина о подоплеке этой трагедии, который с гневом констатировал: «...я напишу султану Абдул-Меджиду, чтобы он перестал морочить горцев... Турецкое правительство вело в отношении горцев точно такую политику, как европейцы в отношении негритосов. У турецкого правительства не хватило и благородства даже для дачи приюта горцам-переселенцам в Турцию, которые с трепетом ехали туда, как в святые места, думая найти в единой Турции для себя новую родину. Правительственный цинизм Турции доходил до того, что турки, в начале чуть ли не воззваниями поощряя переселение, думали использовать беглецов, по-видимому, для своих военных целей... но, столкнувшись с лавиной беженцев – испугались и позорно обрекли на вымирание людей, которые умирали и готовы были умереть по одному знаку – за величие Турции»²⁰⁵.

Вспоминая пережитое в одном из номеров парижского журнала «Мусульманин», Хотко Довлет-Гирей, увезенный из России еще ребенком в Османскую империю, спустя годы дал сходную оценку произошедшему: «Я смею думать, что именно Турция и никто более погубила горцев в нравственном, моральном и физическом отношении. Притворный и гнусный режим... Нет и нет, Турция не родина нам, а самая злая мачеха... Здесь начинается трагедия жизни... Когда-то, чтобы насолить гяурам, они (турки. – В.М.) сманивали черкесов Кубани, но прошло то время, и они им больше не нужны»²⁰⁶.

Такие же наблюдения лишь с долей идеологического налета своей эпохи о подлинной роли Турции в судьбе горских народов сделал и Н. Буачидзе, первый председатель Терского совнаркома. Вспоминая пребывание в этой стране

в течение двух с половиной лет в начале XX в., он выделил «с болью в сердце» как особо запомнившееся встречи с эмигрировавшими горцами, над которыми турецкие беки «...издевались и смотрели на них, как на пасынков, как на гяуров, они не имели земли, не имели даже голоса на судах»²⁰⁷. И, признавая с горечью свою ошибку, все встречавшиеся ему горцы-эмигранты говорили, что «...положение их при царизме в России было гораздо лучше, чем в Турции»²⁰⁸. Такое горькое осознание, что «в христианской России... было бы лучше во всех отношениях, чем в магометанской Турции» приходило к покинувшим Родину неоднократно²⁰⁹.

В Османской империи и других странах Ближнего Востока горцев вскоре постигло «полнейшее разочарование», и большая их часть была преисполнена желания вернуться в Россию²¹⁰. Дипломатические миссии последней в этом зарубежье, посольство в Стамбуле и различные консульства, были буквально завалены многочисленными прошениями горцев о возвращении²¹¹. При А.И. Барятинском как представителе его императорского величества в крае учреждалась даже особая дипломатическая канцелярия²¹². Главное управление наместника на Кавказе не раз ставило в известность начальников областей, губерний и отдельных частей края о том, что «...многие переселенцы прежних лет, по достоверным сведениям, недовольны своим настоящим положением», имеют «...общее стремление к возвращению»²¹³. Однако против этого было, прежде всего, само турецкое правительство, заселившее горцами малопригодные для жизни регионы и использовавшее их на самых тяжелых и изнурительных работах²¹⁴. Россия и в этой ситуации в приеме им не отказывала.

Однако на реэмиграцию также были установлены ограничения для исключения ее стихийности и непредсказуемых последствий. Следует учитывать, что ходатайства о разрешении вернуться в Россию охватывали, как правило, большие группы семей (до 8,5 тыс. и более), и их одновременный прием и обустройство представлялись делом сложным и весьма проблематичным. Существовало также опасение, что возвращавшиеся «скроются в горах, составят шайки и снова возобновят набеги и, может быть, “горную войну”», на которую в прошлом Россия тратила огромные средства. В Кавказской войне гибло ежегодно немало людей, а на ее ведение расходовалась шестая часть государственного бюджета²¹⁵.

К тому же было известно, что переселившимся в Турцию горцам специально подосланные эмиссары, (представлявшие как панисламистские объединения, так и заинтересованные управленческие инстанции, вплоть до окружения султана, а также дипломаты западных стран) усиленно внушали мысль о скором возвращении их на родину для продолжения борьбы²¹⁶. Для организации выступлений против России на Кавказ засылалась агентура, состоявшая главным образом из мухаджиров, проникнутых религиозным фанатизмом и хорошо знавших местные условия. Во многом из-за этого последовавшее в 1872 г. решение на возвращение было отменено²¹⁷. Этим же была продиктована и жесткость предписания: «С возвратившимися на Кавказ поступать по всей стро-

гости законов, как с абреками»²¹⁸, в действительности фактически не исполнявшегося. Но все предпринимавшиеся меры указывают на масштабность угрозы.

Именно в этом контексте необходимо рассматривать, на наш взгляд, и резолюцию российского императора Александра II на одном из массовых прошений: «О возвращении и речи быть не может»²¹⁹, которую используют до сих пор как решающий аргумент в подтверждение версии «об исторической ответственности» за произошедшую трагедию, лежащей якобы исключительно на России. С высоты пережитого теперь эту резолюцию можно, конечно, признать и как ошибочную. На реэмиграцию же более мелкими партиями запрета не существовало и она происходила. Начальник Сухумского отдела отмечал, что «...допущение исключений для отдельных лиц, а затем и для целых групп привело к массовому движению переселенцев»²²⁰.

Отмена разрешения на возвращение при таком раскладе оказывалась формальностью. Еще до ее введения из общего количества переселившихся в Турцию в 1861 г. из Кубанской и Терской областей вернулось обратно более 70 %²²¹. В 1862 г. генерал Н.И. Евдокимов в служебной переписке впервые отметил устойчивый характер этого процесса. По имевшимся в его распоряжении данным, «каждое лето по несколько тысяч душ этих переселенцев возвращаются из Турции» на Кавказ²²². Поток не стал меньше и после принятия запрета в 1872 г. К сожалению, из-за неполноты статистических сведений подсчеты невозможно произвести по другим годам и тем более десятилетиям.

Столкнувшись с данными пробелами при изучении проблемы, О.М. Цветков в свою очередь также заметил, что подсчеты охваченных мухаджирством в тот промежуток времени в российских источниках «весьма приблизительные». Из-за этнической разобщенности каких-либо адыгских сведений вообще не существует²²³, так как статистика появляется лишь при наличии государственной организации. Во многом это объясняется, на наш взгляд, стихийностью и непредсказуемостью самого явления. Неорганизованность официальной имперской статистики подтверждает отсутствие намерений и у русских властей на массовое переселение горцев в Турцию. Они к этому оказались не готовы, рассчитывая лишь на ограниченный отток враждебного населения.

По разрешению или нелегально возвращавшиеся на родину семейства горцев поселялись русскими властями «...в прежних местах из человеколюбия и снисхождения к их бедственному положению»²²⁴. Многие из них рассказывали, что в Турции «...вынуждены были для своего пропитания распродавать детей, жен и даже оружие»²²⁵. В среде мухаджиров настроения на возвращение в Россию получили широкое распространение, главным образом, из-за неустрашенности. В Османской империи ничего не делалось для облегчения их участи, несмотря на складывавшееся крайне тяжелое для переселившихся положение²²⁶.

Отдельные эпизоды имели лишь пропагандистское предназначение, использовавшиеся для поддержания выселения с Северного Кавказа. Военный губернатор Эривани генерал М.И. Астафьев в своем донесении от 26 октября 1863 г. сообщал: «В бытность мою две недели тому назад в Александрополе явилось

к границе 198 душ обоего пола чеченцев и просили дозволения возвратиться к нам, на прежнее местожительство. Узнав о крайне бедственном положении этих переселенцев, о которых турецкое правительство вовсе не заботится, я дозволил прислать ко мне депутацию для личных объяснений»²²⁷.

В информации об инциденте в вверенной приграничной области военный губернатор счел нужным сообщить, кроме того, о следующем: «Депутаты эти объяснили мне, что они никогда бы не переселились из России, если бы не были обмануты влиятельными людьми, что им не оказывали никакого содействия в Турции, что они впали в крайнюю нищету, что им отвели для поселения самые нездоровые места, и что они желают лучше быть сосланными в Сибирь или умереть на нашей границе, нежели возвратиться в Турцию»²²⁸. Далее говорилось, что эти горцы изъявляли даже готовность принять православную веру²²⁹.

В 1865 г. в обращении к наместнику на Кавказе другие мухаджирь также жаловались, что стали жертвой «бессовестного обмана». Свою просьбу о возвращении они подкрепили заявлением: «Мы гораздо охотнее пойдем в Сибирь, чем будем жить... (в Турции. – *В.М.*), мы можем избавить многих горцев от гибели своим возвращением»²³⁰. Прошедшие через турецкую эмиграцию, резко изменили свое отношение к России, в их самосознании произошли существенные подвижки в ее восприятии. Немалая часть мухаджиров именно с православной восточнославянской империей, в пределах которой существовала свобода вероисповеданий, начинала связывать лучшие надежды на будущее²³¹.

Вернувшийся, например, на Северный Кавказ в Баталпашинский отдел Дальбек-Джаттаев через некоторое время стал посещать карачаевские аулы и «проповедовать правила магометанской религии относительно чести и добра», из-за чего «имя его дошло до фанатичного обожания» и этим обратило на себя особое внимание полиции. Однако вопреки опасениям в проповедях он высказывался «против переселения горцев...», признавая, ссылаясь на собственные впечатления, что «личность и имущество законом России ограждены более, нежели в Турции»²³². Это подтверждалось и другими наблюдениями.

Возвращались мухаджирь и с враждебной настроенностью по отношению к России. Так, выбранный в 1917 г., вскоре после Февральской революции, комиссаром Хасав-Юртовского округа Терской области как представитель кумыкского народа князь Р.-Х.З. Капланов, проживавший до реэмиграции в Стамбуле (Константинополе) и служивший в турецкой армии офицером, изыал оружие «у хуторян русских и колонистов», раздав его туземцам²³³. Кроме того, им были переданы все арсеналы, находившиеся в округе. Тем самым Р.-Х.З. Капланов предоставил возможность «грабить и убивать» беззащитное русское население, спровоцировав, судя по всему, не без умысла этническую чистку находившейся под его управлением территории²³⁴.

В Россию он вернулся «со дня объявления войны Турцией», как отметил в докладе председателю Совета министров 1 августа 1917 г. военный чиновник И. Коломиец, именно с такими намерениями²³⁵. Расследуя обстоятельства ин-

цидента, он обратил внимание на целенаправленное стремление комиссара к подрыву государственных устоев. Необходимо заметить, что по российским законам мусульмане служили в армии только добровольно, в то время как с началом Первой мировой войны восточнославянское мужское население призывных возрастов оказалось мобилизованным по принципу всеобщей воинской повинности и находилось на фронтах. Терроризируя семьи защитников отечества, Р.-Х.З. Капланов способствовал, таким образом, дестабилизации ситуации не только в тылу. Его примеру, как заметил военный чиновник в докладе Временному правительству, следовали и другие представители власти, пришедшие ему на смену после его смещения²³⁶.

В подавляющей же массе, как свидетельствуют различного рода источники, мухаджиры не относились к России негативно. Такая настроенность прослеживалась в турецком зарубежье даже у тех выходцев с Северного Кавказа, которые так и не вернулись по разным причинам из эмиграции. Сталкивавшиеся с ними неоднократно были удивлены «теми симпатиями и той глубокой любовью, с которыми черкесы...» относились к России²³⁷. Редактор журнала «Мусульманин» черкес Магомет-бек Хаджетлаше, подписывавший публикации псевдонимом «Мбх», призывал: «Не забудьте... что Россия для всех одна родина, и живущие в ней... должны быть братьями»²³⁸. Такая оценка отражала настроения многих мухаджиров. Сохранялась она некоторое время и на последующих этапах.

Находившийся в Турции в 1919 г. по поручению организаторов Горской республики, взявших курс на создание на Северном Кавказе самостоятельного государства, Хасан Хадзарат с недоумением сообщал из Стамбула в письме от 28 февраля занимавшему пост председателя в правительстве П.Т. Коцеву: «Дорогой Пшемахо... Теперь кое-что о турецких черкесах... Как это ни покажется странным, они не относятся к России отрицательно, полагая, что нам ни в коем случае не следует ссориться с ней»²³⁹. М.В. Фрунзе, посетивший Турцию в 1921 г. в качестве чрезвычайного представителя украинской республики для заключения договора с правительством этой страны, проезжая через занятый черкесскими поселениями район, также столкнулся с подобными настроениями: «...все старики, помнящие Россию, вспоминают о ней с любовью»²⁴⁰.

Это также указывает на то, что в переселение была вовлечена и значительная часть туземного населения, не испытывавшая к России враждебности, а не только племена, не желавшие принять ее подданство. Страна теряла, таким образом, своих потенциальных соотечественников, способных приумножить ее государственную силу и экономическое благосостояние. Оставшиеся на Северном Кавказе черкесы, как видно по служебной переписке краевой администрации, перестали под российской юрисдикцией совершать грабительские набеги и «всецело предались мирным занятиям»²⁴¹.

Они сохранили, в отличие от тех, кто попал в Турцию, где в проводимой политике применялся принцип узкого национализма, свою уникальную культуру и соответственно – этническую самобытность. Переселение горцев явля-

ется трагедией не только тех, кто потерял свою историческую родину, но и самой России. Она являлась не только государственным образованием на полиэтнической основе, но и фактором объединения. Российские подходы сплочения сопредельных народов основывались на универсализме, содержащем элементы федеративного обустройства для окраин.

Согражданство формировалось уже в имперский период. В 1910 г. наместник его императорского величества на Кавказе генерал-адъютант И.И. Воронцов-Дашков сообщал в Петербург о «кубанских горцах» как «безусловно преданных русскому правительству»²⁴². Добиваясь разрешения проблемы аграрного перенаселения, возникшей из-за позитивных демографических изменений, он старался как представитель центральной власти в крае и дальше укреплять сознание, что «они иноплеменники и иноверцы – не пасынки в своем отечестве»²⁴³. Подтвердилось наличие универсалистского российского общегражданского сплочения на Северном Кавказе и в постсоветскую эпоху, что нашло в разных вариациях отражение в ряде авторитетных исследований²⁴⁴.

Сам же исторический опыт преодоления препятствий на пути интеграции всех частей Северного Кавказа на завершающих стадиях сепаратистского противостояния и эпоху после окончания затяжного вооруженного конфликта имел, таким образом, как положительные, так и отрицательные аспекты. В нем, безусловно, не существовало одномерности. Комплекс же мер, направленных на укрепление единства края с Россией, был разнообразным и во многом соответствовал его особенностям. Однако в проводимой политике допускались и просчеты. В оценках же должен учитываться, как уже неоднократно отмечалось в моих исследованиях, эпохальный контекст, с наличием различных составляющих, влиявших на ее осуществление.

Обобщая выводы, сделанные по ходу изложения, выделим наиболее важные, на наш взгляд, – для объективного восприятия проблемы. На формирование феномена мухаджирства влияние оказывали различные факторы: пропаганда турецкой агентуры, отсутствие устойчивой этнической консолидированности, кризисные ситуации в экономике и т. д. В затягивании войны на Северо-Западном Кавказе и разрастании масштабов трагедии переселения горцев в Турцию после ее окончания не последнюю роль сыграли и внешние влияния. Исключительную роль в формировании явления мухаджирства сыграл турецкий фактор. Массовое переселение произошло только из зоны традиционного влияния Османской империи. Применять меры для ограничения переселения было трудно в том числе из-за заявлений о желании совершить паломничество в Мекку.

Утверждения о том, что горцев не удерживали, поощряли их выезд, не соответствуют действительности. Подвергнутые анализу факты показывают, что заинтересованности в выселении горцев в пределы Османской империи у России не было. По поводу наметившейся эмиграции неоднократно выражалось сожаление. Во взглядах на ситуацию господствовала точка зрения, что Россия не сможет очень долго освоить край людскими ресурсами. Столкнувшись с массовым переселением, представители русской администрации принимали

меры его остановить. Осуществлялись выезды в аулы, с горскими обществами подписывались специальные приговоры, затруднялась выдача разрешений, действовала сила местных обычаев.

Переселявшимся оказывалась помощь. Благодаря поддержке русских властей участь мухаджиров была существенно облегчена. Установленные ограничения на возвращение вызывались опасением возобновления войны. В Турции в среде переселенцев усиленно велась агитация о скором возвращении на родину для продолжения борьбы. Для организации выступлений против России на Кавказ засылалась агентура, состоявшая из мухаджиров, проникнутых религиозным фанатизмом.

Прошедшие через турецкую эмиграцию горцы, резко изменили свое отношение к России, в их сознании произошли существенные подвижки, часть из них вернулась на Родину. Не относились к России негативно в подавляющей массе и те горцы, которые так и не вернулись по разным причинам из эмиграции. В мухаджирство были вовлечены не только племена, не желавшие принять подданство России, но и значительная часть туземного населения, не испытывавшего к ней враждебности.

Таким образом, выселение горцев относится к числу крупнейших геополитических неудач России. Страна потеряла своих потенциальных соотечественников, способных приумножить ее государственную силу и экономическое благосостояние. Это – трагедия не только тех, кто потерял свою историческую родину, но и самой России. Ее государственное поле до наступления фазы надлома в 1917 г. было достаточно сильным и обладало мощным интеграционным притяжением.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ *Дзагуров Г.А.* Переселение горцев в Турцию // Материалы по истории горских народов. Ростов н/Д, 1925.
- ² *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
- ³ Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства // Матер. Всесоюз. науч.-практ. конф. 24–26 октября 1990 г. Нальчик, 1994.
- ⁴ *Керашев М.А., Ачмиз М.Я., Аминова В.М.* Гибель Черкессии. Краснодар, 1994. С. 104.
- ⁵ *Куценко И.Я.* Кавказская война и проблемы преемственности политики на Северном Кавказе // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая, 1994 г. Краснодар, 1995. С. 44.
- ⁶ *Касумов А.Х.* Окончание Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию // Там же. С. 63.
- ⁷ *Кудаева С.Г.* О некоторых стереотипах в оценке роли Османской империи в судьбе адыгов (черкесов) в период Кавказской войны // Там же. С. 221.
- ⁸ *Думанов Х.М.* Вдали от Родины. Нальчик, 1994; *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994.
- ⁹ *Кокиев Г.А.* Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть (1917–1921 гг.). Нальчик, 1946 и др.
- ¹⁰ Трагические последствия Кавказской войны для адыгов II-й половины XIX – начала XX вв. (Сб. док.). Нальчик, 2000; Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.): Сб. архивных док. Нальчик, 2001; Архивные материалы о Кавказской войне и переселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874 гг.). Ч. 2. Нальчик, 2003.
- ¹¹ *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 137.
- ¹² *Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н.* Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая, 1994 г. Краснодар, 1995. С. 11–12.
- ¹³ *Матвеев В.А.* Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4. С. 34–45; он же. «Смотря по желанию...» // Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2000. № 1–2. С. 142–147.
- ¹⁴ *Кипкеева З.Б.* Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000. С. 25.
- ¹⁵ *Ганич А.А.* Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2003. С. 6, 14.
- ¹⁶ Там же. С. 7.
- ¹⁷ Там же. С. 7–8; *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 341.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Виноградов В.Б.* «Мухаджирство» в историческом контексте (полемиические заметки) // Проблемы всеобщей истории. Сб. науч. тр. Вып. 6. Армавир, 2000. С. 130–133.
- ²⁰ *Ганич А.А.* Указ. соч. С. 8.
- ²¹ *Цветков О.М.* Адыгейский (черкесский) вопрос на Кавказе // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2010.
- ²² Там же. С. 97.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 97–98.
- ²⁵ Там же. С. 99.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Цит. по: Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 99.
- ³¹ *Лавриненко Д.А.* Конфликтные процессы в Карачаево-Черкесии (2008–2010 гг.) // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2010. С. 113.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 108–109.
- ³⁵ Там же. С. 213, 216.
- ³⁶ *Цветков О.М.* Указ. соч. С. 99–100.

- 37 Там же. С. 100.
 38 Там же.
 39 Цит. по: Там же. С. 107.
 40 Информационное сообщение: «В Москве обсудили “черкесский вопрос”» // <http://www.regnum.ru/news/fd-south/1387518.html#ixzzlHjiYxbDC> (дата обращения: 25. 03. 2011).
 41 Там же.
 42 Там же.
 43 Там же.
 44 Там же.
 45 Там же.
 46 Матвеев О.В. На круги своя... // Вопросы северокавказской истории. Вып. 10. Армавир, 2005. С. 58–68.
 47 Информ. сообщение: «В Москве обсудили “черкесский вопрос”».
 48 Там же.
 49 См. подробнее: Омельченко О.А. Римское право: учебник. М., 2007. С. 21.
 50 Информ. сообщение: «В Москве обсудили “черкесский вопрос”».
 51 Там же.
 52 Там же.
 53 Там же.
 54 Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1987. Т. 2. С. 196–198.
 55 См. подробнее: Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов н/Д, 2006. С. 35–53.
 56 Клычников Ю.Ю. Набеговая система горцев и ее влияние на северокавказскую политику России в первой половине XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 г. Дикаревские чтения (7). Краснодар, 2001. С. 166.
 57 Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.
 58 Заявление конференции «“Черкесский вопрос”: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии» // <http://www.regnum.ru/news/fd-south/1387918.html#ixzzlHjihlHjHQ> (дата обращения: 25. 03. 2011).
 59 Там же.
 60 Там же.
 61 Там же.
 62 Там же.
 63 Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2002. С. 455.
 64 Заявление конференции «“Черкесский вопрос”: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии».
 65 Информ. сообщение: «В Москве обсудили “черкесский вопрос”».
 66 Заявление конференции «“Черкесский вопрос”: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии».
 67 Епифаевцев А. Кавказский вызов: конференция по черкесскому вопросу // <http://www.apn.ru/publications/article23944.htm> (дата обращения: 24. 04. 2011).
 68 Там же.
 69 Там же.
 70 Там же.
 71 Там же.
 72 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.
 73 Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 93–94.
 74 Цит. по: Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. СПб., 1882. Т. 33. Кн. 2. С. 342–343.
 75 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.
 76 Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 24–25, 78, 85–89.
 77 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 202–203.
 78 ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 698. Л. 26.
 79 Кипкеева З.Б. Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX в. Армавир; Ставрополь, 2002. С. 24, 27.
 80 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.
 81 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1097. Л. 1.
 82 Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 93–94.
 83 Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 202.
 84 Там же.
 85 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87; Кокеев Г. Указ. соч. С. 32.
 86 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 149, 154, 162.
 87 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 154.
 88 ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1226. Л. 56.
 89 Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 41.
 90 История народов Северного Кавказа. С. 204.
 91 Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Указ. соч. С. 16.
 92 Воспоминания Осман-бея // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 206.
 93 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.
 94 ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 22.
 95 Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации

- социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003. С. 55.
- 96 Там же.
- 97 ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 22.
- 98 *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска: в 2 т. (Репринтное воспроизведение). Екатеринодар, б/и., 1910–1913. Т. 2: История войны казаков с кубанскими горцами. 1913. Краснодар, 1992. С. 623.
- 99 Там же.
- 100 Там же. С. 624.
- 101 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т.1. С. 164–165.
- 102 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.
- 103 ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229. Л. 56.
- 104 Приложения архивных материалов // *Думанов Х.М.* Указ. соч. С. 28.
- 105 Цит. по: *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 27–28.
- 106 *Напсо Д.А., Чекменев С.А.* Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993. С. 111.
- 107 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 266. Л. 1.
- 108 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 266. Л. 1.
- 109 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 205. Л. 9.
- 110 Там же.
- 111 Там же.
- 112 Там же.
- 113 ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229. Л. 55-об.–56.
- 114 *Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 21.
- 115 Цит. по: *Дзидзария Г.А.* Указ. соч. С. 294.
- 116 *Абрамов Я.* Кавказские горцы. Материалы для истории черкесского народа. Краснодар, 1927. Вып. 3. С. 6.
- 117 Цит. по: АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 763; *Ганич А.А.* Указ. соч. С. 17; *Кумыков Т.Х.* Указ. соч. С. 24, 97.
- 118 Там же.
- 119 Там же.
- 120 *Кумыков Т.Х.* Указ. соч. С. 15, 34, 99–100.
- 121 Там же.
- 122 Там же.
- 123 Там же.
- 124 Там же. С. 24–25, 39, 106.
- 125 *Туманов Г.М.* Земельные вопросы и преступность на Кавказе. СПб., 1901. С. 24.
- 126 Там же. С. 60.
- 127 ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 164. Л. 3.
- 128 *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 51.
- 129 *Бадаев С.-Э.С.* Чеченское мухаджирство второй половины XIX в. как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4. С. 53.
- 130 Там же.
- 131 Там же.
- 132 *Ганич А.А.* Указ. соч. С. 17, 19–20; *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 37.
- 133 Там же.
- 134 Там же.
- 135 Там же.
- 136 Сефер-бей Сиюхов – адыгский просветитель. Майкоп, 1991. С. 88, 91; *Скибицкая И.М.* «Рад видеть своими подданными...» (Еще раз о встрече Императора Александра II с горцами осенью 1861 г.) // Александровские чтения. Краснодар, 2004. С. 53.
- 137 Там же.
- 138 *Скибицкая И.М.* Указ. соч. С. 55.
- 139 *Алиев У., Городецкий Б., Сиюхов С.* Адыгея. Ростов н/Д, 1927. С. 53.
- 140 Приложения архивных материалов // В кн.: *Думанов Х.М.* Указ. соч. С. 26.
- 141 Там же.
- 142 Там же.
- 143 Там же.
- 144 Там же. С. 28.
- 145 *Дзидзария Г.А.* Указ. соч. С. 215.
- 146 Там же.
- 147 *Абрамов Я.* Указ. соч.
- 148 *Напсо Д.А., Чекменев С.А.* Указ. соч. С. 146.
- 149 *Дзидзоев В.Д.* Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995. С. 72.
- 150 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1277. Л. 2.
- 151 Там же.
- 152 Там же.
- 153 Россия: Опыт национально-государственной идеологии / Под ред. В.В. Ильина, А.С. Панарина и др. М., 1994. С. 7.
- 154 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87-об.
- 155 *Думанов Х.М.* Указ. соч. С. 86–87, 96.
- 156 Там же.
- 157 Там же.
- 158 *Абрамов Я.* Указ. соч. С. 10.
- 159 *Победоносцев А.* Черкессия. М., 1940. С. 32.
- 160 ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 698. Л. 21-об.
- 161 Там же.
- 162 ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 21-об.
- 163 ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 215. Л. 15.
- 164 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л. 87.
- 165 *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 30–31.
- 166 Там же.
- 167 *Дзагуров Г.А.* Указ. соч. С. 191.

- 168 Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 31.
- 169 Там же.
- 170 Там же.
- 171 Там же.
- 172 Там же.
- 173 История народов Северного Кавказа. С. 203, 204.
- 174 ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 104. Л. 24.
- 175 Там же.
- 176 Там же.
- 177 Там же.
- 178 Там же.
- 179 ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 215. Л. 17.
- 180 Там же.
- 181 Г де Лакост. Россия и Великобритания о Центральной Азии. Ташкент, 1908. С. 42.
- 182 Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 41, 56.
- 183 Там же.
- 184 Гаммер М. Указ. соч. С. 77–78.
- 185 Матвеев В.А. «Русские покушались строить мечети...» // Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2004. № 4. С. 8–12.
- 186 Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 78.
- 187 Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 200, 202.
- 188 Приложения архивных материалов // В кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 60.
- 189 Чичагова М.Н. Указ. соч. С. 202, 206.
- 190 Приложения архивных материалов // В кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 58.
- 191 ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1.
- 192 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 12; ЦГА РД. Ф. Р-621. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.
- 193 РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1277. Л. 2–3; Абрамов Я. Кавказские горцы. Материалы для истории черкесского народа. Краснодар, 1927. Вып. 3. С. 11; Дзагуров Г.А. Указ. соч. С. 40, 46–47. (Подсчет авт.).
- 194 Абрамов Я. Указ. соч. С. 10–11.
- 195 Дзагуров Г.А. Указ. соч. С. 191.
- 196 Бадаев С.-Э.С. Указ. соч. С. 45–55.
- 197 Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 63.
- 198 Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост.: В.А. Федоров. М., 1991. С. 368.
- 199 Янчевский Н. От победы к победе. (Краткий очерк истории гражданской войны на Северном Кавказе). Ростов н/Д, 1931. С. 5 и др.
- 200 Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в. Нальчик, 1992; Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. Майкоп, 1994.
- 201 ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 12.
- 202 Там же.
- 203 Кокиев Г.А. Указ. соч. С. 32.
- 204 Бородин Л.И. «Надломы цивилизаций» в свете исторической синергетики // Россия в XX веке. Сб. науч. ст. М., 2003. С. 7–34.
- 205 Цит. по: Алиев У. Очерк исторического развития горцев Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов н/Д, 1927. С. 109–110.
- 206 Цит. по: Наурзов Б.Б. История Кавказской войны. Майкоп, 1997. С. 36–37.
- 207 Цит. по: Никонов И.Н., Гальцев В.С. Ной Буачидзе. Орджоникидзе, 1957. С. 7.
- 208 Там же.
- 209 Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 114.
- 210 Жизнь национальностей. 1919. 27 апр.
- 211 Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 113–114.
- 212 Трепалов В.В., Гатагова Л.С. Государственная национальная политика на Северном Кавказе до 1917 года: особенности, специфика // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX – XXI вв.). М., 2009. С. 45.
- 213 Приложения архивных материалов // В кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 98.
- 214 Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 113–114.
- 215 Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 238, 240–241, 246; Патракова В.Ф. Завершающий этап Кавказской войны и российское общество (40–60 гг. XIX в.) // De die in diem. Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2004. С. 302.
- 216 Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 238, 240–241, 246.
- 217 Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 25.
- 218 Там же.
- 219 Приложения архивных материалов // В кн.: Думанов Х.М. Указ. соч. С. 98.
- 220 Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 381.
- 221 Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 115. (Подсчет авт.)
- 222 Цит. по: Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 235.
- 223 Цветков О.М. Указ. соч. С. 98.

- 224 Приложения архивных материалов // В
 225 кн.: *Думанов Х.М.* Указ. соч. С. 98.
 226 *Дзидзария Г.А.* Указ. соч. С. 207.
 227 Цит. по: там же. С. 236.
 228 Там же.
 229 Там же.
 230 Там же. С. 235.
 231 Приложения архивных материалов // В
 232 кн.: *Думанов Х.М.* Указ. соч. С. 111.
 233 Там же.
 234 РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 69. Л. 10-об.
 235 Там же.
 236 Там же.
 237 *Дзидзария Г.А.* Указ. соч. С. 487.
 238 *Мбх.* О братстве // *Мусульманин.* 1910. № 23.
- 239 ЦГА РД. Ф. Р-621. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.
 240 Цит. по: *Дзидзария Г.А.* Указ. соч. С. 491.
 241 РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 10-об.
 242 РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 38, 40.
 243 Там же. Л. 40.
 244 *Акаев В.Х.* Чеченское общество в поисках
 геополитической и социокультурной иден-
 тичности // *Современные проблемы гео-*
политики Кавказа. Сб. науч. статей. Рос-
тов н/Д. 2001. С. 128; *Зубов А.Б.* Полити-
ческое будущее Кавказа: опыт ретроспек-
тивно-сравнительного анализа // *Знамя.*
 2000. № 4. С. 169; *Трошев Г.* Моя война.
 Чеченский дневник окопного генерала.
 М., 2001. С. 159, 255, 317 и др.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

1990 г.

- №1 *Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д.* О национальной ситуации на Северном Кавказе.
- №2 *Брук С.И.* Немцы в СССР: современная ситуация.
- №3 *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.
- №4 *Соколова З.П.* Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.
- №5 *Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А.* Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.
- №6 *Тер-Саркисянц А.Е.* Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.
- №7 *Васильев В.И.* Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.
- №8 *Иванова Ю.В.* Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения.
- №9 *Бушков В.И.* О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР.
- №10 *Брусина О.И.* О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области.

1991 г.

Серия А:

- №11 *Сагаева С.К.* Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.
- №12 *Тишков В.А.* Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).
- №13 *Иванова Ю.И.* Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.
- №14 *Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И.* О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.
- №15 *Брук С.И.* Народы СССР в стране и за рубежом.
- №16 *Гурвич И.С., Батъянова Е.П.* Современное развитие межнациональных

отношений в Чукотском автономном округе.

- №17 *Осипов А.Г.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).
- №18 *Жорницкая М.Я.* Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май-июнь 1990 г.).
- №19 *Остроух И.Г., Шервуд Е.А.* Мennonиты Оренбургской области.
- №20 *Брусина О.И., Осипов А.Г.* К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.
- №21 *Григорьева Р.А.* Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).
- №22 *Емельянов В.М.* Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.
- №23 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития.
- №24 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.
- №25 *Молчанов М.А.* Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины.

Серия Б:

- №1 *Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.
- №2 *Крюков М.В.* Политика национальной автономии в Китае.
- №3 *Стельмах В.Г.* Самоуправление индейских резерваций в США.
- №4 *Кожановский А.Н.* Испания: этничность и регионализм.

1992 г.

Серия А:

- №26 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.
- №27 *Шинкевич С., Заринов И.Ю.* Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.

№28 *Сагаева С.К.* Российское казачество.

- №29 *Островидова Е.Ю.* Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы суверенизации бывших союзных республик.
- №30 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.
- №31 *Сатвалдыев А.Н.* К характеристике религиозной ситуации в Шехимардане (Узбекистан).
- №32 *Губогло М.Н.* Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №33 *Губогло М.Н.* Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №34 *Гузенкова Т.С.* Межэтническая ситуация в Калмыкии.

Серия Б:

- №5 *Празаскас А.А.* Индия: национальная политика и федерализм.
- №6 *Соколова И.В.* Политика официального индеанизма в Мексике (идеология и практика).

1993 г.

- №35 *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.
- №36 *Малькова В.К.* Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).
- №37 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).
- №38 *Бутанаяев В.Я.* Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.
- №39 *Батъянова Е.П.* К этнополитической ситуации в Кемеровской области.
- №40 *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Таджикистан: Что происходит в республике?
- №41 *Малькова В.К.* Пресса о современном

- менной этнической ситуации в Татарстане.
- №42 Бухаев С.С. Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.
- №43 Шнирельман В.А. Бикинские удэгейцы: политика и экология.
- №44 Ногайцы сегодня. [Калиновская К.П., Марков Г.Е. Поиски решения проблем в Ногайской степи. Викторин В.М. Астраханские ногайцы.
- №45 Бабич И.Л. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.
- №46 Кыдырова В.Я. К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.
- №47 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.
- №48 Смирнова Я.С. Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.
- №49 Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.
- №50 Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.
- №51 Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане.
- №52 Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии).
- №53 Лопуленко Н.А. Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски.
- №54 Васильев В.И., Малиновская С.М. Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

1994 г.

- №55 Тер-Саркисянц А.Е. Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).
- №56 Жуковская Н.Л. Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).
- №57 Червонная С.М. Крымско-татарское национальное движение (1991–1993 гг.).
- №58 Таболина Т.В. Панорама современного казачества: Истоки, контуры, типологизация.
- №59 Филиппов В.Р. Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993 гг.).
- №60 Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, языки, политика.

- №61 Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).
- №62 Столярова Г.Р. Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.
- №63 Шаров В.Д. Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.
- №64 Бирин В.Н. Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.
- №65 Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д. Этнополитическая ситуация в Калмыкии.
- №66 Восходов И.И., Комарова Г.А. Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень-зима 1993 г.).
- №67 Шабеев Ю.П., Рогачев М.Б., Котов О.В. Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.
- №68 Аккиева С.И. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике.
- №69 Абаева Л.Л., Крянев Б.П. Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994 г.).
- №70 Хаджибиев Р., Полякова Т. Этнополитическая ситуация в Адыгее.
- №71 Зыков Ф.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г.
- №72 Кисриев Э.Ф. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан.
- №73 Куликов К.И., Христолюбова Л.С. Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993г.
- №74 Кужугет А., Татаринцева М. Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.
- №75 Зубков А.А., Маресьев В.В. Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.
- №76 Гостинова Л.К., Дзадзиев А.Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.
- №77 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации.
- №78 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.
- №79 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.

- №80 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Выходы реинтеграции.

1995 г.

- №81 Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области.
- №82 Иванова Ю.В. Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние.
- №83 Ильин В.И. Республика Коми: этнос и политика.
- №84 Мартынова М.Ю. Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).
- №85 Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я. Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.
- №86 Рубан Л.С. Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.
- №87 Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.
- №88 Смольникова Н.В. Немцы Поволжья: современные этнополитические проблемы.
- №89 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Карачай в контексте новой исторической реальности.
- №90 Кульчик Ю.Г. Республика Узбекистан в середине 90-х годов.
- №91 Мартынова М.Ю. Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

1996 г.

- №92 Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А. Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения.
- №93 Михайлов С.С. Положение ассирийцев – вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.
- №94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. / Брусина О.И. Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; Митина Д.А. Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане/.

- №95 *Малькова В.К.* Русское население в российских республиках.
 №96 *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.
 №97 *Лопуленко Н.А.* Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.
 №98 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.
 №99 *Каган, Микаэлла.* Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.
 №100 *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России.

1997 г.

- №101 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).
 №102 *Дерябин В.С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.
 №103 *Малькова В.К.* Республиканская пресса России – новая этнонациональная идеология.
 №104 *Жуковская Н.Л.* Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.
 №105 *Аринин А.Н.* Российская государственность и проблемы федерализма.
 №106 *Шабает Ю.П., Пешкова В.М.* Русские в республике Коми.
 №107 *Ямсков А.Н.* Русское население в полиэтнических районах Закавказья, Сибири и Урала.
 №108 *Поляков С.П., Бушков В.И.* Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе.
 №109 *Таболкина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.
 №110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

1998 г.

- №111 *Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? (По данным опроса московских школьников).
 №112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.
 №113 *Червонная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.
 №114 *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм. Восточно-Европейский ареал.
 №115 *Малькова В.К.* Москва много-

национальная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.

- №116 *Сирина А.* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.
 №117 *Смоляникова Н.В.* Немцы Волгоградской области: Этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995–1997 гг.
 №118 *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов).
 №119 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: Современные этнокультурные процессы.
 №120 *Абашии С.Н., Бушков В.И.* Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

1999 г.

- №121 *Рыжакова С.И.* Dievturība. Латышское неоязычество и истоки национализма.
 №122 *Комарова Г.А.* Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.
 №123 *Шнирельман В.А.* Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в.
 №124 *Кашуба М.С.* Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).
 №125 *Козлов С.Я.* Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?
 №126 *Сирина А.А.* Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?
 №127 *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе.
 №128 *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы.
 №129 *Червонная С.М.* Карачаево-Черкесия – 1999: Выборы главы республики.
 №130 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

2000 г.

- №131 *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.

№132 Перепись – 2002: проблемы и суждения.

- №133 *Бабич И.Л.* Правовой минимизм в Северной Осетии: История и современность.
 №134 *Ярлыкапов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе.
 №135 *Заурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне.
 №136 *Рыжакова С.И.* Ромува. Этническая религиозность в Литве.
 №137 *Козлов С.Я.* Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.
 №138 Города Подмосковья: Этнодемографические и гендерные проблемы.

2001 г.

- №139 *Зенько М.А.* Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы.
 №140 *Воробьев Д.В.* Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия звеньев в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).
 №141 *Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.
 №142 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и иноэтничные мигранты: Взгляд друг на друга.
 №143 *Рыжакова С.И.* Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.
 №144 *Матвеев В.А.* «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.
 №145 *Степанов В.В.* Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

2002 г.

- №146 *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.
 №147 *Матвеев В.А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность.
 №148 *Ситнянский Г.Ю.* Тринадцатый миф о Центральной Азии.
 №149 *Силантьев Р.А.* Этнический аспект раскола исламского общества России.

- №150 Губогло М.Н. Мобильность и мобилизация.
- №151 Смирнова С.К. Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России.
- №152 Сирина А.А. Народы Севера Иркутской области.
- №153 Юраков А.В. Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.
- №154 Смирнова С.К. Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.
- №155 Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).
- №156 Смирнова С.К. Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.
- №157 Смирнова С.К. Современные этнополитические процессы в Удмуртии.
- №158 Бабич И.Л. Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.
- №159 Димаева Ф.В. Ислам в современной Чеченской республике.

2003 г.

- №160 Ситнянский Г.Ю. Русские в СНГ – «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации».
- №161 Тишков В.А. Историко-антропологический анализ переписи населения.
- №162 Миссонова Л.И. Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).
- №163 Заурбекова Г.В. Ваххабизм в Чечне.
- №164 Аксянова Г.А., Давыдова С.С. Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).
- №165 Анайбан З.В. Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).
- №166 Устинова М.Я. Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. – начало XXI в.).

2004 г.

- №167 Харитонова В.И. Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.

- №168 Шлыгина Н.В. Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.
- №169 Фаис О.Д. Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции).
- №170 Популленко Н.А. Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут.
- №171 Наумова О.Б. Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).
- №172 Найденова Е.А. Поликультурное образование как средство воспитания межэтнической толерантности.
- №173 Ториев Б.Х. Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.).
- №174 Губогло М.Н., Дубова Н.А. Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
- №175 Субботина И.А. Молдавия: Этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества.

2005 г.

- №176 Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Холман Д., Шенфилд С. После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов.
- №177 Грачёв С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В. Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
- №178 Каландаров Т.С. Памирские мигранты-исмаилиты в России.
- №179 Питерская Е. Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике.
- №180 Субботина И.А. Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы.
- №181 Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
- №182 Олимова С., Олимов М. Трудовая миграция в Афганистане.
- №183 Финно-угорские народы России: Общее положение, проблемы и решения.

2006 г.

- №184 Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях.

- №185 Мартынова М.Ю. Сербия–Черногория–Косово: одно государство или три?
- №186 Сирина А.А., Фонда Г.А. Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
- №187 Новикова Н.И. Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.
- №188 Александренков Э.Г. Индигенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).
- №189 Новикова Н.И., Якель Ю.Я. Судебная защита права на традиционное природопользование: Антрополого-правовые аспекты.
- №190 Остапенко Л.В. Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.
- №191 Анайбан З.В. Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни.
- №192 Рьжакова С.И. Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования.

2007 г.

- №193 Череватенко В.И. Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.
- №194 Козлов С.Я. Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX – начало XXI в.).
- №195 Устинова М.Я. Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: Новые вызовы.
- №196 Тишков В.А., Шабеев Ю.П. Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.
- №197 Александренков Э.А. Аборигены Колумбии и государство.
- №198 Ситнянский Г. Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.
- №199 Банаева М.Г. Бурятская община г. Москвы.

2008 г.

- №200 Тишков В.А. 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.
- №201 Малькова В.К. Образы многонационального города в современной столичной прессе.

- №202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.
- №203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.
- №204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.
- №205 *Сирина А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транзита.
- №206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: Опыт антропологического исследования.
- №207 *Харитонова В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неоязычество, городской шаманизм).
- №208 *Бабич И.Л.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа.

2009 г.

- №209 *Локшин А.Е.* История российских евреев в школьных учебниках РФ.
- №210 *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Франции.

- №211 *Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени
- №212 *Кожановский А.Н., Любарт М.К.* Проблемы западноевропейской иммиграции на примере Франции и Испании.
- №213 *Бабич И.Л.* Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI в.
- №214 *Эпштейн А.Д.* В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта.
- №215 *Бабич И.Л., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма.

2010 г.

- №216 *Данилко Е.С.* Маленький провинциальный город в современной России.
- №217 *Новикова Н.И., Степанов В.В.* Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.
- №218 Европейская языковая Хартия и Россия.
- №219 *Заурбекова Г.В.* Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской республике (1991–1999 гг.).
- №220 *Опарин Д.А., Уманская А.И.* Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова

- и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут).
- №221 *Шльгина Н.В.* Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус.
- №222 *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые диаспоры (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани и Красноярска).
- №223 *Миссонова Л.И.* Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 г. до переписей XXI-го века.

2011 г.

- №224 *Устинова М.Я.* Неграждане Латвии: статус и перспективы интеграции.
- №225 *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность.
- №226 *Матвеев В.А.* "Черкесский вопрос": современные интерпретации и реалии эпохи.

По вопросам приобретения материалов обращаться
по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. (8-495) 938-00-19
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (8-495) 938-06-00
<http://www.iea.ras.ru/>

Подписано к печати 18.07.2011 Тир. 100 экз. Печ. л. 2,6 Заказ № 59

Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А.

Матвеев Владимир Александрович

канд. ист. наук, доцент исторического факультета Южного федерального университета. Специализируется по проблеме российской универсалистской трансформации и сепаратизма на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – 1917 г. Занимается также изучением особенностей государственного обустройства окраин отечественного Востока в имперский период, роли мусульманства в интеграционном процессе и восточнославянского фактора в зонах цивилизационных разломов на иноэтнической периферии. Автор более 150 научных публикаций в т. ч. 4 монографий: "Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.)". Ростов н/Д, 2006. (256 с.); "Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.)". Ростов н/Д, 2008. (240 с.); "Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. (управленческие аспекты)". Ростов н/Д, 2010. (336 с.) и "Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.)". Ростов н/Д, 2011. (448 с.).

Matveev Vladimir Alexandrovich

Ph. D. of history, docent of faculty of history of Southern Federal university, an expert in separatism on Northern Caucasias in the latter half of XIX - 1917. He is the author more 150 scientific publications including 4 monographs: "Russia and Northern Caucasias: history peculiarities of formation of state unity (the second half XIX–beginning of XX century)". Rostov/on D., 2006. (256 P.); "Russian universalism and ethnicity on Northern Caucasias (second half XIX–1917). Rostov/on D., 2008. (240 P.); "Russian politician on Northern Caucasias in the latter half of XIX – beginning XX (management aspects)". Rostov/on D., 2010 (336 P.) and "Russian universalistic transformation and separatism on Northern Caucasias (second half XIX–1917). Rostov/on D., 2011. (448 P.).

